

104

ГАЛИНА ЧЕРЕДИИ

МОДИФИКАТЫ

18+

Галина Череди́й

Модификаты

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Чередий Г. В.

Модификаты / Г. В. Чередий — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Земля будущего, где генетические модификации и усовершенствования стали не только нормой, но и желательным условием для успешности профессиональной и личной. Весьма возросшая в численности человеческая популяция ищет новый мир для переселения и, кажется, его находит. К нему отправляется огромный корабль «Ковчег» с избранными, которым предстоит изучить его и освоить для полноценной экспансии. Но с чем они столкнутся в этом новом мире, и окажется ли он для них гостеприимным новым домом или жестоко отшвырнет, вынуждая вернуться обратно?

Содержание

Часть первая. Модификаты и Естественные	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	46
Глава 9	51
Глава 10	56
Глава 11	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Часть первая. Модификаты и Естественные

Глава 1

– Ты не имел права так поступать со мной, – пробормотала я, хотя на самом деле хотела кричать и бросать все, что попадется под руку, в голову стоящего напротив обнаженного и все еще бесстыдно возбужденного мужчины.

Кто бы мне сказал, что быть одной из причин возбуждения кого-то настолько привлекательного, может оказаться так унизительно. А все из-за долбаной формулировки восприятия, она же основная суть. Одна из...

– Совершенно не могу понять причину подобной твоей реакции! – раздосадованно ответил он своим сводившим меня с ума еще совсем недавно голосом. Неожиданно остро захотелось, чтобы он прикрылся. Вот прямо от головы до пят! Впервые с того момента, как я его узнала, меня тошнило от этого совершенного тела.

– А я тебе говорил, что не стоило и тратить время на нее, – раздался еще один недовольный густой и безупречно мелодичный мужской голос. Такой же идеально наполненный поровну сексуальной мягкостью и низкой мужественной вибрацией, на которую непроизвольно отзывается твое существо, если ты, конечно, женщина по своей внутренней сути. Хотя, как теперь понимаю, у моего пола тут не было эксклюзивных прав. Фу-у-у, гадство, да простят меня боги толерантности!

– Софи, не глупи, ты же отказываешься, даже не попробовав! – продолжил уговоры первый... партнер, однако не приблизившись ко мне ни на сантиметр. И правильно. Инстинкты, пусть и изрядно подправленные генетикой, его не подвели. Прямо сейчас я была способна на некие весьма далекие от цивилизованной реакции поступки. И мне ни единой секунды не стыдно, хотя и гадко, и даже где-то мрачно-смешно.

– Я абсолютно ничего не хочу пробовать с мужчиной, которого мне нужно делить с другим... мужчиной. Хотя постой, не так. Это ведь я была бы той, кем будут делиться! – Я начала собирать свою одежду и максимально, как мне казалось, спокойно одеваться, но так хотелось просто убежать вон голой. Проклятые конечности тряслись, и я то и дело не попадала в нужные отверстия. Да проклятье! Долбанные отверстия и все аналогии, с ними связанные, от которых тошно!

– Да в чем дело-то? Сплошь и рядом люди состоят в отношениях с открытым числом партнеров и счастливы! – до отвращения мягко стал увещевать Себастьян, и я прямо возненавидела себя за краткую вспышку вины за несчастный, почти отчаянный тон его голоса. – Дорогая, не думал, что ты такая зажата и старомодная. Ты же ученый, а значит, как никто должна приветствовать все новое!

Должна? Должна, мать твою?! Пошел ты, Басти, со своими ублюдочно-прогрессивными умозаключениями в отношении меня! О подобном надо спрашивать, обсуждать заранее, а не ставить перед фактом, надеясь, что проглочу как должное, после легкого смущения или попытки поломаться, придавая себе значимость!

– А вот тут ты ошибся! – кратко резюмировала я и прикусила язык, чтобы не разразиться бесконечным потоком упреков, а вслед за этим и неминуемыми унизительными слезами. Ну нет, до такой степени самоуничижения я не добиралась до сих пор и прямо сейчас эти глубины осваивать не намерена!

Не в силах больше находиться в одном пространстве с этими двумя, я быстро вышла в тамбур личной ячейки, что за эти недели стала слишком уж привычной, и ударила по зеркаль-

ной панели. На уровне ступней открылась ниша, и оттуда выдвинулась автоматическая платформочка с моими очищенными от почти не существующей уличной пыли балетками.

– Не переживай ты так, Себастьян! Ну, она ведь Естественная, стоило ли от нее многого ждать? Мы попробуем еще, но только в этот раз обязательно выберем Модификата. Да, дорогой? – Дурнота подступила к горлу от интимных утешающих ноток в голосе увещающего мужчины, с которым я, как выяснилось, больше месяца делила своего парня. Хотя правильной, судя по всему, говорить не так. Себастьян с этим... имени которого и знать не желала, были вместе уже больше года, и это я оказалась новой составляющей в этом уравнении. Новой, непостоянной и, очевидно, легко заменяемой.

Я последний раз оглянулась, но никто, конечно, и не собирался выходить, провожать и бросаться в ноги с извинениями или просьбой вернуться.

Выйдя наружу, я проигнорировала эскалатор, что вел на мобильный высотный крытый тротуар, и зашагала по простому наземному. Мне сейчас нужно было движение, и плевать, насколько это медленнее по сравнению с обычной манерой перемещения. Здесь, внизу, было прохладно, в отличие от подогреваемых верхних дорожек, которые выглядели, скорее уж, как большие прозрачные трубы с мягко текущим по их дну упругим потоком, служившим основой для всех пользующихся их помощью. Я обхватила обнаженные плечи руками и быстро направилась в сторону института. Похоже, сегодня я буду в числе опоздавших, но это впервые, и к тому же все мои эксперименты сейчас находились в той фазе, когда мое постоянное присутствие не нужно, так что торопиться мне было совершенно некуда.

Чем дальше я шагала, тем все больше приходила к выводу, что, в принципе, никогда и не верила, что из наших отношений с Себастьяном выйдет хоть что-то стоящее. Я не наивна, не оторвана от реальности и прекрасно осведомлена о собственной внешности – спасибо вседущим зеркалам. Очень-очень редко Естественным удавалось построить постоянные семьи с Модификатами. Статистика – наука хоть и безжалостная, но точная. Но надежда – очень вредное и неискоренимое проявление человеческой души, и, похоже, никак его не извести окончательно. Вроде особо стойкой к любым агрессивным средам и воздействиям бактерии, что выживала несмотря ни на что. Именно она была причиной, по которой я все же решила рискнуть ответить на настойчивые ухаживания этого красивого мужчины. Слишком-прямо-так-чрезмерно красивого для кого-то вроде меня. И нет, я себя не принижаю, всего лишь обладаю стопроцентным зрением и здравым восприятием жизни.

Запястье завибрировало, и я провела по нему, отвечая на вызов. Вживленный под кожу коммуникатор – единственная модификация собственного тела, на которую пошла, нарушив завещание отца.

– Софи-и-и-и! – раздался вопль Алисии в моем правом ухе, вынудив поморщиться. – Ну где ты, черт возьми?!

Если моя помощница и подруга скатилась до архаичных ругательств, дело и правда дрянь. Либо это что-то эпичное, вроде пятничной попойки, с которой ее нужно было забрать, пока она не проснулась в недоумении в незнакомой постели. Но сейчас точно не этот вариант.

– Что еще? – буркнула я, потирая кожу за многострадальным ухом.

– Пилад вызывал меня уже раз десять за последние четверть часа и требовал твоего явления к нему в кабинет!

– Хм-м-м... – я сверилась с мягко мерцающими цифрами на запястье и заметила: – Вообще-то до начала рабочего дня еще три с половиной минуты.

– Софи! – взвизгнула Алисия, заставляя меня дернуться. – Всем в институте известно, что ты днюешь и ночуешь тут и тебя можно застать на работе почти всегда! Шевелись давай! Тут, похоже, дело, не терпящее отлагательств!

– Поконкретнее можно? – недовольно проворчала я.

– А вот нельзя! – отрезала подруга. – Шевели булками давай!

Кривясь и ворча, я все же перешла на быстрый шаг, а потом и на бег. Скользнув запястьем по сканеру входа и влетев в бесшумно разъехавшиеся тонированные стеклянные двери, тут же наткнулась на Алисию, что сейчас, очевидно, изображала старинный сказочный указатель направления на дороге, тыча вытянутой рукой в сторону кабинета руководителя нашего научного центра. Судя по поджатым губам, говорить со мной пока она не намеревалась. Ну и ладно. Стремительно прошагав по упругому, гасящему звук покрытию длинного коридора, я замерла с поднятой рукой перед чуть отъехавшей дверью, услышав беседу на повышенных тонах.

– Поверить не могу, что нельзя подыскать Модификата на это место! – раздраженно почти рычал некто неизвестный.

– Капитан, я понимаю Вашу обеспокоенность, но прошу держать себя в руках и помнить, что время весьма ограничено для того, чтобы перебирать кандидатурами, и еще не факт, что даже София согласится!

– Еще бы она отказалась от такой возможности! – насмешливо фыркнул наглый незнакомец и уже перестал мне нравиться, несмотря на обалденный тембр голоса. – Как будто каждый день Естественным выпадает подобный шанс!

– Капитан! – строго рыкнул мой шеф. – Прошу не забываться! Насколько мне известно, политика генетической дискриминации совсем не приветствуется Космическим Департаментом!

– Да при чем тут дискриминация! – и не подумал сменить тон этот самый капитан. – Вы хоть представляете, какая это морока и риск для здоровья для тех, кто не рожден усовершенствованным?

– Хочу напомнить, друг мой, что первые шаги в освоении космоса сделаны теми самыми неусовершенствованными, о коих Вы столь заносчиво отзываетесь!

– Я ни в коей мере не собирался оскорблять память первопроходцев и умалять их заслуги, но сейчас космические путешествия приобрели совершенно другие размахи и продолжительность, и людям, не имеющим специфических особенностей, они даются не просто трудно, а иногда и наносят непоправимый вред организму. И меня невероятно бесит необходимость быть за это ответственным.

Мне надоело слушать, и, однократно стукнув по двери, я шагнула внутрь.

– Какие же амбиции надо иметь, чтобы причислять себе ответственность за воздействие невесомости, космической радиации и прочих природный факторов на человеческий организм, – желчно произнесла я, рассматривая индивидуума, самолично возложившего на себя столь тяжкую ношу.

– София, наконец-то, – как-то чересчур радостно поднялся мне навстречу Пилад Зеска, единственный и неповторимый руководитель нашего центра сколько себя помню. Когда в мои три с половиной он появился на одной из вечеринок выходного дня в доме моих родителей, я испугалась его экзотической внешности, племенных тату и мимики едва ли не до усрачки. Годы спустя я уже не представляла своей жизни без его присутствия и временами диковатой бесцеремонной манеры поведения, что, как ни странно, пленяла женщин. Когда-то Пилад стоял у истоков и в прямом смысле у фундамента центра вместе с моим отцом и после смерти папы, очевидно, считал своим долгом опекать меня так или иначе.

– София, знакомься, это Рожер Тюссан, капитан одного из наших «Ковчегов». Думаю, тебе знакомо его лицо и ты слышала о нем.

Я уставилась на будто нехотя поднявшегося высокого брюнета, сухо кивнувшего мне и не потрудившегося скрыть недовольство после быстрого взгляда, просканировавшего меня с головы до ног. Ну еще бы, благодаря шумихе в новостях, только слепой не узнал бы этого красавчика в лицо и не вспомнил бы каждой детали его биографии.

Модификат, рост – двести пять сантиметров, возраст – тридцать шесть лет, тип европеоидный, цвет глаз светло-карий, хотя по мне так скорее золотисто-желтый. Родители данного

индивидуума были прямо-таки помешаны на космосе и поэтому заказали максимальный пакет усовершенствований, благодаря которым Рожер с малых лет практически жил как минимум на орбите Земли, не испытывая ни малейших проблем со здоровьем, неминуемо возникающих у Естественных и даже у многих Модификатов. Отличник, эрудит, потрясающие достижения в математике и навигации, способности руководителя и адаптация выше всяких похвал, да к тому же еще и красавчик, каких мало даже среди измененных. Короче, идеальный кандидат на роль капитана на первом «Ковчеге» в глазах всей земной общественности. И с этой минуты – заносчивый засранец в моих.

– Знакомо, – сдержанно ответила я.

– Рожер, а это София Старостина, о которой, собственно, и была речь. Талантливейший биолог с неординарным мышлением, просто хороший человек и потрясающая женщина.

– Я вижу, – без всякого выражения ответил Тюссан, снова окатив меня ледяным взглядом от макушки до пят. – Что касается Вашего замечания, госпожа Старостина, то хотел бы отметить, что во время длительного перелета вся ответственность за любой аспект жизни и здоровья каждого члена экипажа ложится непосредственно на совесть капитана. Так что мои слова не следствие амбиций, а нормальное желание свести возможные будущие риски к минимуму.

Может и так! Но однозначно быть таким засранцем – это еще не причина!

– Хотите совсем не рисковать – формируйте команду из андроидов! – огрызнулась я, ощущая, что выдержать его прямой, подавляющий взгляд – серьезное испытание для меня.

– Я не упоминал о том, что в принципе боюсь рисковать, – недобро прищурился на меня прославленный красавчик. – Лишь о том, что брать в команду кого-то настолько...

– Друзья мои! – вежливо, но властно вмешался Пилад, для большего эффекта хлопнув огромными ладонями по столешнице, и она тут же из прозрачной стала густо-пурпурной, реагируя на настроение хозяина кабинета. – Может, мы перейдем сразу к делу, учитывая, что у нас действительно каждая минута на счету.

– Ну, судя по всему, госпожа Старостина даже не намерена выслушать сути нашего предложения, – желчно уколол Тюссан.

– Думаю, я уже имею четкое представление о его сути, – не сдержавшись, едко прокомментировала я.

– Да неужели?

– Капитан звездного «Ковчеха» в нашем центре, истерящий и выглядящий почти отчаянно, моя специализация, дата предварительного старта, заявленная на завтрашнее утро, печальное известие в новостях о гибели моего коллеги Эгвида Халифова, который был одним из двух биологов в Вашем будущем экипаже, – сухо перечислила я и подытожила для особо одаренных: – Сложим все это вместе и получим предложение мне занять место погибшего на «Ковчеге».

Идеальные губы звездного капитана поджались так, словно ему в рот дерьмо попало, но все же он сумел выжать усмешку из себя. Вот прямо оценила эти титанические усилия!

– Вообще-то, мне необходим биолог, а не гадалка, но как бы там ни было – все верно, – фыркнул он, отворачиваясь к окну, и, несмотря на всю обстановку, мое сердце подпрыгнуло от радости.

Да, я могла язвить и изображать из себя черт-те что сколько угодно, но... это же полет на «Ковчеге»! Что или кто мог стоять рядом или как-то затмить значимость! Для кого-то вроде меня... ой, ладно, для меня лично – это тот самый шанс, даже не на миллион, а на пятнадцать миллиардов, повторения которого не случится! Имеет ли значение, что к этому прилагается какой-то раздутый от самомнения модифицированный придурок! Ни-хре-на! Судя по тому, что я знала о «Ковчеге», он эпически огромен. Вот просто реально невообразимо здоровенный! Настолько, что ни один из его даже самых небольших модулей не был собран на Земле, а только

на орбите Луны. Так что, учитывая размеры и чередующиеся фазы сна до пункта назначения, у меня были все шансы вообще не встречаться с козлокапитаном.

– Софи, ну же! – не выдержал Пилад. – Ты согласна, или нам с Рожером следует еще пошевелить мозгами в поисках кандидатуры? Только учти, что собраться тебе, к сожалению, нужно буквально за сутки.

Мне хотелось крикнуть, что я готова загрузиться в «Ковчег» прямо в чем есть, ничто меня не удержит, но прикусила язык, во-о-от чисто чтобы не радовать нахального капитана. Изобразив краткое раздумье, я не спеша кивнула.

– Почему бы и нет! – пожала плечами как можно безразличнее, но все равно Тюссан закатил свои золотистые глаза с «ну я же говорил» выражением. Да как будто мне не наплевать на его мелочное торжество!

– Что же, в таком случае Вам, госпожа Старостина, следует быть готовой к вылету на лунную орбиту завтра в восемь ноль-ноль, – тут же перешел к властному тону он. – И я требую, чтобы Вы сегодня же прошли хотя бы самую поверхностную процедуру в Компенсаторе!

– Простите, что, господин Тюссан? – мгновенно ошетинилась я.

– Капитан! – поправил меня он, дерзко ухмыльнувшись. – Начинайте привыкать так ко мне обращаться!

– Вряд ли мне придется это делать, если Вы, господин Тюссан, попробуете снова указывать, что мне делать!

– В самом деле, Рожер, не думаю, что даже твои полномочия капитана, которые, к слову, в отношении Софи еще не вступили в действие, позволяют требовать нечто подобное, – весомо вмешался Пилад.

– Да в чем дело-то? – закатил глаза Рожер Тюссан. – Ладно, может, я неверно сформулировал! Госпоже Старостиной уже как-никак двадцать восемь лет, и, судя по досье, она ни разу не подвергалась ни полной регенерации, ни даже частичной компенсации! И это при том, что аппараты для обеих процедур являются изобретениями ее отца!

А вот это никого не касается, и упоминать родство в подобном контексте более чем излишне!

– Я не пойму, – ощерилась я, вызывая вздергивая подбородок. – Вы сейчас указываете на то, что моя физическая форма неудовлетворительна, или Вас смущает мое отношение к наследию моего отца в принципе, господин Тюссан?

– Рожер! – предупреждающе произнес Пилад и покачал головой. – У тебя нет права.

Ну еще бы! Пилад был одним из немногих посвященных. Может, и не разделял взгляды моего отца, но и не считал себя в праве как-то их оспаривать.

– Знаете что? – поднял раскрытые ладони мой будущий капитан. – Чихать я хотел! Если этой женщине нет дела до того, насколько Компенсация – удачная идея перед многолетним перелетом, то мне-то тем более все равно! Мне нужен на корабле биолог, способный нести вахту каждые полгода и впоследствии в полной мере исполнять свои обязанности по прибытии. Будет ли она выглядеть как сейчас или как ссохшийся чернослив – да без разницы!

– Вот и договорились, – пожала я плечами.

– Ну и ладно! – дернул головой Тюссан и послал по гладкой столешнице в мою сторону гибкий лист электронного носителя. – Итак, подпишите документы, и советую Вам поторопиться с подведением итогов под всеми своими делами. Очень может быть, что наш полет в один конец!

А то я не догадывалась или обольщалась на сей счет, учитывая, что мой родной брат был самым первым и по сей день одним из лучших разведчиков глубокого космоса. Благодаря которому, между прочим, полет первого «Ковчега» и имел место быть. Вот только того, что для самого Титара пока не нашлось другого пристанища, кроме космоса, в нашей семье и вообще

где бы то ни было не принято упоминать. Зачем портить радужные картинки и великие примеры, заставляющие будущих родителей обращаться в центры Модификации снова и снова?

– Я вас покидаю, – едва поставила подпись и прижала браслет с генетической печатью к документу, оживился Тюссан. – Последние сутки на Земле, сами понимаете!

Вот только не надо так по-идиотски подмигивать! Будто кто-то будет не в курсе каждого Вашего шага, капитан, учитывая, что микродроны новостных каналов сопровождают Вашу раздутую от самомнения персону повсюду. В абсолютно полном смысле этого слова, между прочим!

С полминуты после того, как Рожер Тюссан покинул кабинет моего уже бывшего шефа, я стояла неподвижно, выдавая только своей постепенно расплывающейся идиотской улыбкой и взглядом стремительно нарастающую радость внутри. Пилад внимательно смотрел на меня и, как ни странно, не улыбался в ответ.

– Софи, девочка, я не хочу, чтобы вышло как-то так, что я надавил на тебя или подтолкнул, реализуя собственные несбывшиеся амбиции, – наконец забормотал он своим низким бархатистым голосом и стал чем-то ерзать по непрерывно сейчас меняющей цвет столешнице.

– Что? – недоуменно захлопала глазами.

– Да не что! – нервно махнул рукой Пилад. – Если это не твое – откажись! Я пойму, и твои родители бы поняли!

– Да ты в своем уме?! – не сдержавшись, почти закричала я и, не в силах уместить радость, раскинула руки. – Я лечу! Я ле-е-ечу-у-у!!

Глава 2

– Госпожа Старостина, просыпайтесь, мы прибыли! – безликий голос андроида постепенно пробрался в мое сознание, и я распахнула глаза, бездумно уставившись в серое лицо с приятными, но неподвижными чертами.

– Лунная карантинная станция! – оповестил робот, до меня пусть и с опозданием дошло, и я разочарованно застонала.

– Ну нет, что же не везет-то так! – проныла я, поднимаясь.

– У Вас есть жалобы на самочувствие? – тут же заученно прореагировала умная машина. – Мне вызвать медблок?

– Нет, со мной все прекрасно в физическом плане! – отмахнулась я, ощущая, однако, легкую тошноту, будто в мой желудок поместили шарик с воздухом, что, впрочем, при данных обстоятельствах было совершенно нормально.

Просто, загружаясь в лунный чартер, я с нетерпением ждала того момента, когда мы будем на подлете, чтобы полюбоваться на «Ковчег» во всей красе снаружи. Следующая такая возможность-то будет уже только по прилете на место, когда начнется высадка на Kepler-754. А это только через шесть лет, которые я проведу, изучая корабль исключительно изнутри. Из-за погружения в стазис каждые полгода для меня они превратятся в три, но все же. В последние сутки на Земле оказалось необходимо сделать столько всего и сразу, что о сне пришлось забыть. Но теперь все закончено. Все мои связи с родной планетой, можно сказать, прерваны, и я такая же космическая странница, как и Титар. И это... охренительно здорово! Конечно, это вроде как было глупо в моем возрасте продолжать завидовать старшему брату, особенно учитывая, что и выбора особого в образе жизни и профессии у него не было, но ничего поделаться с укоренившимся с самого детства чувством я не могла. Титар всегда для всех был героем, бесстрашным космическим путешественником, загадочным звездным капитаном-одиночкой, совершающим все новые и новые открытия, которые у всех на слуху. А я? Мои достижения сугубо прикладные и чрезвычайно мелкие. В прямом смысле. Новые разновидности бактерий, синтезирующие супербелок, идеально подходящий для питания в экстремальных условиях, в том числе и во время длительных космических перелетов. Бионическая пленка, опять же бактериального происхождения, которая теперь позволит всем погруженным в стазис на «Ковчеге» и всех других кораблях дальнего следования переносить его намного легче и приступать к работе спустя сутки после пробуждения, вместо пяти дней, уходивших раньше на реабилитацию. Ранозаживляющие и противоожоговые эмульсии, ускоряющие естественную регенерацию в разы и не требующие предварительного обеззараживания повреждений. Кто об этом слышал где-то кроме узкого круга моих же коллег? И нет, я не жалею, наоборот. Просто раньше выходило, я создаю то, что никогда не случится проверить на себе и усовершенствовать, если понадобится, а теперь у меня такая возможность появилась. И разве можно хотеть еще чего-то большего?

В ближайшие дни все вещи из родительского дома будут вывезены в подземные склады длительного хранения. Сам дом будет выставлен на продажу, возможность распоряжаться деньгами я в равной степени оставила и за Титаром. Он много лет назад отказался от любых притязаний на родительское имущество и разработки в мою пользу, но, мало ли, за годы может что-то измениться. Если в течение восемнадцати лет не вернусь я и Титар их не востребует, то все средства уйдут в пользу исследовательского центра, созданного нашим отцом и Пиладом. Тогда же пойдут с молотка и вещи, отправленные сейчас на склад. Вот и все. Пройдя сотни медицинских тестов и обязательный забор генетических проб, я провела последние несколько часов, общаясь с немногочисленными друзьями, в беседах с которыми мы старательно обходили тему того, что, вероятно, это наши последние совместные посиделки. Несмотря на то,

что все прекрасно понимали: космос – это риск и высока вероятность, что полет «Ковчега» может обернуться катастрофой, каждый хотел бы оказаться на моем месте. Но эту мысль вслух выразила только Алисия.

– Софи-и-и-и! – завывала она, повиснув на мне в зале отлета и влив перед этим в себя дозу алкоголя, неподъемную даже для многих мужчин. – Мы же можем больше никогда не увидаться! Никогд-а-а-а!

– Али, мы прекрасно сможем болтать по видеосвязи!

– Болтать? Сколько? Первые полгода?? – взвилась она. – А потом? Я тебе: «Привет, как дела?», а ты мне в ответ через пару недель: «Все нормально!» А потом через месяц, и вообще-е-е-е!

И она снова принялась заливать мое плечо слезами.

– Но знаешь что, Софи! – шмыгая носом, продолжила подруга. – Я боюсь за тебя и буду скучать безумно, но прямо убить тебя готова за то, что ты такая везучая сучка-заучка!

– Госпожа Старостина, Вам следует поторопиться, – напомнил о себе андроид. – Ровно через две минуты капитан Тюссан начнет приветственную речь для вновь прибывших.

Ах, ну да, теперь он для меня точно капитан Тюссан. Если, конечно, за эту неделю первичной акклиматизации не умудрюсь вылететь каким-то образом из экипажа. Ну нет уж! Я зубами за обшивку цепляться буду или петь дифирамбы заносчивой капитанской заднице, если понадобится, но выкинуть себя с «Ковчега» не дам!

Потягиваясь и разминая затекшие плечи, я в ускоренном темпе пошла по коридору, морщась от непривычного грохота ботинок об пол. Система искусственной гравитации на лунной станции была почти древней и чрезвычайно далекой от совершенства. Частенько она страдала перепадами, и подстроиться, чтобы не топать, как ископаемый мастодонт, бывало сложно. Естественно, в теории я это все узнала из электронной памятки-инструкции, загруженной в коммуникатор на запястье перед вылетом, а вот как переставлять ставшие тяжелее обычного ноги – постигла на практике. Хорошо хоть на «Ковчеге» благодаря новым технологиям мы будем избавлены от перепадов тяготения и от необходимости ходить в утяжеленной обуви. Я спускалась по трапу последней из тысячи человек, прилетевших со мной на одном транспорте. И так как капитан Тюссан умудрился к этому времени добиться волшебным образом полной тишины в громадном зале прилета, то, само собой, мое грохотание по трапу никто не пропустил. И он тоже. Кто мельком, а кто пристально – все посмотрели на меня. Я же едва не запуталась в собственных ногах, натолкнувшись на испепеляющий взгляд золотистых глаз с огромного экрана, располагавшегося под потолком зала. И только потом заметила самого Тюссана, стоявшего на некоем возвышении и пилившего на меня через головы всех присутствующих. Одет он был в белоснежный комбинезон с эмблемой «Ковчега» на груди, облегавший его от шеи до пяток как вторая кожа и более чем очевидно демонстрировавший все великолепие его тела. В животе стало еще противнее от понимания того, что скоро все мы будем одеваться так же, только цвета будут разные. Ходить в тончайшем, полностью повторяющем контуры тела одеянии среди так же экипированных совершенных Модификатов... Ай, да ну и что поделать, что я не выгляжу, как они, и никогда не буду? Плюнув на грохот и свирепо нахмурившись, я промчалась последние метры и затесалась в толпе, но злющий ястребиный взор капитана преследовал меня, заставляя оборачиваться соседей.

– Ну, вот теперь, когда, наконец, все прибывшие решили, что готовы снизойти до того, чтобы выслушать меня, я начну! – раздался усиленный скрытыми динамиками голос Тюссана и, пронзив последний раз взглядом, словно сделав контрольный выстрел, он избавил меня от своего пристального внимания. Скотина!

– Итак, вы, конечно, все меня знаете, но позвольте представиться еще раз. Рожер Тюссан, капитан первого «Ковчега» и ваш повелитель, царь и бог с этого момента и до того, как вы ступите на поверхность планеты Kepler-754, которую чаще принято называть Нью Хоуп.

Я оглянулась в ожидании увидеть лица, возмущенные самомнением этого наглеца, но все или молчали, или, наоборот, одобрительно посмеивались. Рядом раздался вообще восхищенный вздох, и, покосившись, я увидела женщину-модификата, выше меня примерно на голову, которая с плотоядной улыбочкой смотрела на капитана. Она, как и большинство Модификатов женского пола, была очень коротко стрижена, от чего идеальная форма черепа и максимально симметричные черты лица становились только отчетливее. Легкий перламутровый отлив ее кожи, довольно широкие плечи с развитой мускулатурой и плотно закрытые сейчас жаберные щели чуть пониже ушей показывали, что ее родители когда-то выбрали пакет «Аква» из всех доступных.

– Нью Хоуп была открыта более двух десятков лет назад при помощи телескопа Кеплер одной из последних перед тем, как его заменили на более современный аналог. Она сразу стала кандидатом в список экзопланет, а спустя уже год данный статус был подтвержден. Необычайность именно этой планеты заключается в том, что она находится по космическим меркам практически у нас под боком, хотя обнаружение и тщательное ее изучение было затруднено по ряду уже неважных сейчас технических причин. Дальнейшие годы исследований перевели Нью Хоуп в разряд планет весьма близких к нашей, а после точного расчета индекса подобия Земле она вообще была признана идеальным двойником. На полный оборот вокруг светила, очень похожего на наше, у планеты уходит 126,5 земных суток. Сами сутки длятся там 27 часов. Диапазон температур близок к нашему. Радиус на 12% больше нашего, масса на 15%, а значит, разница в гравитации минимальная. К тому же за время пути на «Ковчеге» искусственная гравитация будет плавно меняться, достигая уровня Нью Хоуп, и к моменту прибытия мы вообще не ощутим отличия и хоть какого-то дискомфорта. Но об этом позже.

Конечно, и я, и все присутствующие знали эту информацию на зубок, но Тюссану удавалось повторять ее с такой торжественной эпичностью, что невольно сердце замирало в предвкушении величайшего в жизни приключения, и хотелось внимать ему бесконечно. А может, дело в низком, бархатисто-раскатистом голосе или манере чуть растягивать и будто катать на языке «р», заставляя вслушиваться тщательнее. Не важно. Но все, даже я, слушали как слегка замороженные. Ну, на то он ведь и капитан нашего огромного экипажа. Должно же быть в нем нечто особенное, кроме эго, едва проходящего в грузовой порт корабля. Чертов повелитель и вождь. Краснокожих.

– Три года назад капитан-разведчик Титар Старостин принял решение отклониться от основного курса и произвел максимальное снижение над поверхностью Нью Хоуп, когда направлялся в более удаленные области Галактики, – золотистые глаза снова безошибочно нашли меня в толпе, и я невольно закусила губу от уважительных, почти восхищенных ноток, пробившихся в голосе Тюссана при упоминании имени моего брата. – Автоматические зонды собрали максимум информации о планете, и данные были признаны настолько сенсационными, что капитан Старостин счел нужным потратить один из столь ценимых у разведчиков автономных мини-транспортов, дабы отправить их на Землю немедленно. И за это все жители Земли, и особенно члены нашего экипажа, ему бесконечно благодарны. Ведь именно поэтому мы все сейчас здесь и готовы ринуться на освоение планеты, что станет новым домом для землян.

Народ вокруг одобрительно загудел, и имя моего брата многократно прокатилось по огромному помещению.

– Я продолжу! – властно произнес Тюссан, и снова мгновенно наступила тишина. – Образцы показали, что Нью Хоуп не просто очень похожа на Землю. Атмосфера практически идентична, не содержит ни единого непригодного для существования людей газа. Патогенных бактерий также не было выявлено. Имеется богатейшая флора, и были замечены некоторые представители местной фауны. Нью Хоуп – абсолютно живая и пригодная во всех отношениях, хоть и чрезвычайно дикая планета. Таков был окончательный вывод ученых. 70% поверхно-

сти покрыто пресным океаном. Суша состоит из двух больших континентов и массы островов. Основное отличие от Земли – наличие газо-паровой оболочки. Примерно такой, которая окружала Землю в глубокой древности, в так называемую Золотую эру ее существования, и исчезновению которой не найдено объяснения до сих пор.

Тюссан снова сделал многозначительную паузу, и люди, пользуясь этим, стали обмениваться радостными и воодушевленными взглядами, перешептываться.

– Теперь хотелось бы упомянуть о том, о чем многие не слишком бы хотели слышать перед полетом, но сказать это считаю необходимым, – капитан не только слегка повысил голос, но и стал произносить слова жестче и отрывистей, однозначно давая понять, что слушать себя он заставит. – Все мы преисполнены надежд на будущее и энтузиазма, но всегда нужно оставлять в сознание место для понимания того, что Нью Хоуп может не соответствовать нашим ожиданиям. Причем настолько, что миссия закончится полным фиаско. Какой бы прекрасной и многообещающей эта планета ни виделась нам из дома, есть вероятность, что на деле она окажется непригодна не только для массового переселения, но даже для создания базы. Это чужой мир, он вполне способен отвергнуть нас в самой жесткой форме. И каждый из вас должен быть к этому морально готов.

Все недовольно загомонили, и даже раздалось несколько возмущенных выкриков. Тюссан спокойно продолжал смотреть на толпу, но на большом экране было хорошо видно, как он фокусирует взгляд на каждом, кто выражал свое с ним несогласие чересчур активно, словно ставил на человеке метку. И замечала это, естественно, не только я, так как недовольные тут же замолкали.

– О нашем корабле, «Ковчеге», думаю, каждый из вас знает почти все. Он оснащен всеми самыми последними разработками земных ученых и безопасен настолько, насколько это вообще возможно. А еще он большой. Очень большой. Состоит «Ковчег» из восемнадцати отдельных модулей. Десять из них при запланированном и удачном протекании нашей миссии будут навсегда спущены на поверхность Нью Хоуп, два останутся на ее орбите, исполняя первые годы роль орбитальных станций. Если же планета окажется не тем, что нужно, «Ковчег» вернется назад в прежнем виде.

Мне тоже очень не нравились эти постоянные оговорки капитана о вероятной неудаче, они изрядно портили все радужное предполетное настроение. Но я не ребенок и отдаю себе отчет, насколько он в этом прав. Полет «Ковчег» широко разрекламирован, и ему в СМИ навесили ярлык первого. Но дело в том, что до него были и другие. Конечно, масштабы не такие, и шумихи никакой, но однако же. Все они оказались провальными, но не это главное. Больше всего не принято было распространяться о некоторых психологических, мягко скажем, неприятных аспектах, постигших часть экипажей этих миссий. Так что тут я полностью разделяю нежелание капитана иметь дело на обратном пути с самоубийствами или спятившими от разочарования членами команды. Так что лучше сто раз капнуть на мозги сейчас, чтобы отсеялись все те, кто колеблется или не готов к реальному взгляду на события или неудаче. Вот только на меня так, капитан Тюссан, смотреть не нужно. Конечно, я могу считаться слабым звеном, потому как времени на многодневные психологические тесты у меня не было, но черта с два это так!

– И последнее, о чем скажу, – наконец стал закругляться капитан. – О людях, которые полетят на борту «Ковчег». Большая их часть, три тысячи человек – пассажиры, они же будущие первые поселенцы. Они будут спать всю дорогу до Нью Хоуп. Разбудить мы их должны только на планете, если она будет признана пригодной всеми специалистами. В противном случае они проснутся уже на Земле по возвращении, а значит, никаких проблем никому не доставят. Другое дело вы, непосредственные члены экипажа. Каждые полгода полета половина из вас будет так же погружаться в стазис, в то время как остальные станут нести вахту. О своих обязанностях каждый из вас осведомлен прекрасно, но впереди еще неделя, чтобы вникнуть

полностью. Именно эта неделя – тот период, когда я буду чрезвычайно терпим к ошибкам или недочетам.

Само собой, Тюссан уставился прямо на меня. Снова.

– При этом я собираюсь следить за каждым пристально и внимательно. И не нужно думать, что если я один, а вас больше тысячи, я что-то упущу. Даже не рассчитывайте на это и помните, что у каждого есть дублеры и они заменят вас на «Ковчеге» до вылета, если я так захочу.

Ха-ха! Можете щуриться на меня сколько угодно, капитан, но у меня-то дублера нет. Иначе я бы точно тут не стояла, учитывая ваше ко мне необычайное расположение.

– В принципе, я закончил, но готов ответить на все ваши вопросы, – ответом Тюссану была тишина, и он неожиданно расплылся в лучезарной улыбке, хотя мне она показалась скорее уж хищным предвкушающим оскалом. – Неужели нет вопросов? Не нужно меня бояться, я не кусаюсь!

Ну да, сначала мужик объявил себя всевластным повелителем всея «Ковчег» и богом и намекнул на то, что выкинет вон, чуть что не так, а теперь надеется на нормальный открытый диалог? Смешно ведь!

Но оказалось, что считают так далеко не все.

– Капитан, а это правда, что личные отношения между членами экипажа не запрещены и даже приветствуются? – глубоким, я бы даже сказала, томным голосом спросила женщина-модификат с пакетом «Аква» рядом со мной. Я удивленно уставилась на нее. Она что, вот так перед всей толпой пытается флиртовать с Тюссаном? Похоже, что так.

– Это правда. Раньше это не приветствовалось и даже запрещалось. – Да хватит каждый раз так сверлить меня глазами! Хотя сейчас пристального взгляда удостоилась не только я, но и еще несколько Естественных в толпе. – Но теперь сексуальное взаимодействие признано нормальным и даже способным благотворно влиять на атмосферу в экипаже. Но, однако же, за любые, даже самые малейшие конфликты на этой почве будут следовать жесткие дисциплинарные наказания, вплоть до физических.

Прежде все экипажи в основном состояли из Естественных, и как всем нормальным людям им было присуще ревновать, разочаровываться в партнере, испытывать чувство собственности. И это порождало напряжение, которое при длительных полетах выливалось иногда в весьма неприятные происшествия. Считается, что Модификаты лишены большинства человеческих недостатков. Что к сексу, встречам-расставаниям и созданию постоянных отношений они подходят не столь импульсивно, как люди, а руководствуясь больше расчетом или насущными потребностями. Но я знаю, что далеко не всегда и не со всеми Модификатами это так. А в остальном – время покажет. Еще минут двадцать ушло на заигрывание Тюссана с командой в вопросы-ответы, но потом он все же подвел черту.

– Ну что же, у нас еще будет масса времени на это. А сейчас вам всем следует подготовиться к прохождению карантинной зоны, обеззараживанию и получению вашего первого комплекта обмундирования. Заранее прошу прощения за все неудобства и неприятные ощущения, но вы все знали, на что шли, и обо всем были предупреждены.

И он исчез и с возвышения, и с экрана, а мы побрели в сторону карантинного шлюза галдящей и пока еще разношерстной толпой.

Глава 3

– Да ладно, Софи! Не смотри на меня с таким сомнением! – чуть подтолкнул меня плечом Арнольд, посмеиваясь над моим замешательством. – Всем нам придется пройти через вживание моего «Лингво»!

Арнольд Штерн был одним из ксенолингвистов «Ковчега». Замечательный парень, мой одноклассник и к тому же Естественный. Последний факт заметно облегчил наше с ним дружеское сближение. Надо заметить, что весельчак Арни без проблем общался со всеми вокруг, вне зависимости от их генетического статуса, это у меня были некоторые затруднения. Хотя шел всего лишь пятый день нашей предполетной адаптации и ознакомления с полным объемом будущих служебных обязанностей, а также ношения нового обмундирования, и я надеялась, что свойственное любой человеческой психике привыкание сведет на нет мой дискомфорт. Постепенно я ощущала его все меньше, оказываясь в обществе Модификатов и невольно сравнивая то, как сидит на мне тонкая ткань комбинезона, которая представляла собой, по сути, практически ежедневно обновляемую дышащую пленку биополимера. В конце концов, эй, София, все мы здесь профессионалы в первую очередь, объединенные великой целью, и внешность каждого – вещь вторичная. Убедить себя в этом мне удавалось почти на все сто, за исключением тех моментов, когда я наталкивалась на пристальный взгляд золотистых глаз капитана Тюссана, словно назло то и дело попадавшегося на моем пути, куда бы ни пошла. Под этим напрягающим вниманием я ощущала себя каким-то сборищем физических несовершенств, слишком открыто демонстрируемых этой долбаной одежкой, и режим «профи» вдруг начинал отчаянно буксовать. А еще почему-то слишком женщиной, абсолютно обыкновенной и заурядной, уязвимой и безнадежно теряющейся на фоне великолепных усовершенствованных представительниц собственного пола. И это вызывало стыд и злость. Нельзя быть настолько глупой и примитивной. Отслеживание звездного капитана не имело никакого отношения ко мне как женщине, это более чем очевидно, просто мистер перфекционист слишком переживал за успешность всей миссии в целом и усматривал во мне некую этому угрозу. Вот и сейчас на ужине в большой общей столовой, мне невольно захотелось поежиться под прицелом глаз моего надзирателя, который, сидя за три стола от нас, пялился на меня, словно ожидал, что я на всякий случай в любую секунду, изредка перенацеливаясь на Арни, когда тот шуточно толкал меня плечом или заглядывал в лицо, приставая с уговорами. Слава звездам, что Модификатам требовался лишь один полноценный прием еды с объемной клетчаткой, все остальное они заменяли пищевыми пластырями, так что есть в присутствии Тюссана мне приходилось только за ужином. Чего он дырки во мне сверлит? Надеется, что подавлюсь насмерть или сорвусь и начну в соседей жрачкой швыряться, давая повод признать себя психически нестабильной? Надо вообще прекратить его замечать – и дело с концом!

– Ну так как, Софи, станешь первой на борту «Ковчега», кто вживит себе мою малышку? – не унимался Арни.

– Солнце, вот на кой черт мне это делать сейчас, когда, во-первых, нам лететь до места еще шесть лет, а во-вторых, до сих пор никаких подтверждений о наличии внеземной разумной жизни не получено абсолютно ниоткуда, и Нью Хоуп не исключение, – повернулась я к приставучему ксенолингвисту. – Для чего мне тогда пригодится твой переводчик? С тамошними пресмыкающимися находить общий язык?

Конечно, при всей симпатии я не собиралась посвящать парня в то, что последним желанием моего отца, даже прописанном в его завещании, была настойчивая рекомендация отказаться от любых вмешательств в организм и усовершенствований. И пока мне удавалось, в общем-то, следовать ей, позволив себе только крайне необходимый минимум. Из всего инородного, не родившегося со мной на этот свет, во мне сейчас были коммуникатор, противозачаточ-

ный наночип и капсула экстренной первой помощи, которая должна обеспечить выброс однократной дозы замедляющих все жизненные процессы почти до нуля веществ и вызов помощи одновременно, если я получу тяжелую травму любого свойства. Кратковременная шоковая «заморозка» всех функций давала дополнительное время для обнаружения объекта, то бишь меня, транспортировки и реанимационных процедур, сложись все совсем паршиво. Внедрить их нас обязали, без всяких исключений, и мне пришлось смириться.

– Ты пессимистка, Софи! Так нельзя! – не всерьез возмутился парень. – Ты должна лететь в новый мир с твердой уверенностью, что нас ждут величайшие открытия.

– А я и так лечу с этим настроением! – поднялась я из-за стола и прихватила свой поднос. – На Нью Хоуп для биолога просто непочатый край работы. Думаю, даже для нескольких поколений биологов!

Сказала и тут же пожалела, заметив, как помрачнело лицо вечно жизнерадостного ксенолингвиста. Всем по умолчанию было в принципе понятно, что их присутствие на Ковчеге – просто дань формальности или, может быть, привычке человечества продолжать поиски разума за пределами нашей планеты, хотя, по большому счету, в обнаружение ее на самом деле уже почти никто и не верил. Разве что вот такие энтузиасты, как сам Арни, которые годами корпели над изучением, расшифровкой всех найденных за историю человечества письменных артефактов, дабы дать не только новое звучание мертвым и давно забытым языкам, но и использовать их основы для расширения потенциала внедряемых переводчиков для астронавтов в тщетной надежде, что однажды это поможет найти способ общаться с теми, кого они встретят в глубинах космоса.

– Извини, – неловко улыбнулась и торопливо прошла к утилизатору, избавляясь от посуды.

– Эй, Софи, прекрати! – догнал меня снова беззаботно улыбающийся Арни в коридоре. – Все нормально, я же хоть и мечтатель, но реалист!

– Госпожа Старостина, на пару слов! – капитан Тюссан стоял в нескольких метрах от нас и холодно, даже, как мне показалось, с некой долей осуждения смотрел на приобнявшего меня за плечи Арни, который, похоже, пока никуда уходить не собирался. – Господин Штерн, беседа будет носить конфиденциальный характер.

– А, – встрепенулся парень, подтверждая мои наблюдения, что нашему капитану не пойми каким образом удастся почти зачаровывать людей, вне зависимости от пола и сексуальных предпочтений. – Увидимся позже, Софи!

Развернувшись, Тюссан пошел вперед, предоставляя мне возможность пялиться на его широкую спину, идеальной формы задницу, мощные мышцы бедер, к слову, мой своего рода фетиш, и даже не утруждался оглядываться, чтобы убедиться, что я слеую за ним как прикованная. А зачем? Как будто могло быть по-другому. И мне приходилось пошевеливаться, потому что один шаг долговязого капитана был почти равен моим двум. Остановившись перед открытым обычно дверным проемом одной из малых кают-компаний, Тюссан наконец вспомнил о манерах и жестом предложил мне войти первой.

– Временная блокировка! – громко произнес он, и обычно скрытая матовая дверь выехала, с кратким шипением перекрыв доступ в помещение. – Не записывать!

Я сглотнула, борясь с чувством тревоги и неловкости, мгновенно становящейся мало контролируемым раздражением, когда это касалось капитана. Что он собирается мне сказать? Что все же нашел кого-то мне на замену и безмерно рад избавиться от моего присутствия?

– Присядьте. – Не предложение, а настоятельная рекомендация, отказаться следовать которой чревато.

Я примостилась в одно из кресел, пытаясь хранить невозмутимость и готовясь не выказывать своих чувств, как бы дело ни пошло. В конце концов, пока «Ковчег» не отбыл, любое решение капитана я могу обжаловать и непременно это сделаю, если он... Вот зараза!

Тюссан шагнул ко мне и, схватившись за подлокотники, присел на корточки и чуть наклонился так, что наши лица очутились напротив, а расстояние между моими коленями и его грудью исчислялось парой сантиметров.

– Госпожа Старостина, мои наблюдения показали, что в обществе Модификатов Вы ведете себя совершенно иначе, нежели в присутствии Естественных. Если мне это просто почудилось, то исправьте меня!

От наглого нарушения моего личного пространства и властной энергетики, прущей от Тюссана, меня мгновенно бросило в жар, но природа этого жара оказалась весьма неоднозначна – не гнев в чистом виде уж точно. Но время ли сейчас это анализировать? Золотистые глаза требовательно сверлили меня, вот только в поисках ответа на заданный вопрос или в ожидании реакции на свою явную провокацию – неизвестно. Был выбор: соврать, но могу утверждать на все сто, что капитан это с легкостью прочтет, или сказать правду. В обоих случаях это грозило вылиться в проблемы, так что, учитывая, что любая ложь всегда была мне поперек горла, я рискнула.

– Вам это не показалось, капитан! Но это изменение поведения имеет сугубо личностные корни и никак не повлияет на мою способность отлично выполнять должностные обязанности! – Вот же, ужас, я тараторю, как какая-то идиотка! Еще бы трястись и умолять начала! Но какой же он все-таки здоровенный, даже когда сидит вот так. Чувствовала себя в самой настоящей западне, так и хотелось чисто инстинктивно начать лягаться и вырываться, хотя он и пальцем не прикоснулся, но сознание бунтовало на первобытном уровне, отказываясь добровольно признать положение жертвы этого подобию хищника. На такую реакцию он рассчитывал?

– Госпожа Старостина, мне ли Вам объяснять, что нет неважных аспектов, когда дело касается чего-то столь масштабного и необратимого, как полет, подобный нашему. – Театральная пауза и почти удушающий визуальный контакт, сил и права разорвать который у меня точно нет.

Что, вот сейчас он и скажет, что могу убираться на Землю?

– Предлагаю Вам заняться решением сейчас, до того как все превратилось в проблему. – Он чуть передвинул руки на подлокотниках, и я невольно резко вдохнула, отвлекаясь на его широкие ладони с длинными «музыкальными», как ни странно, пальцами и улавливая его запах. Очень интересный у капитана парфюм. Не агрессивный, как большинство мужских ароматов, а, наоборот, какой-то еле уловимый, заставляющий принимать снов, чтобы разобрать все нюансы, и при этом неожиданно обволакивающий.

– Что Вы имеете в виду? – не желая показать слабость или неуместную заинтересованность совсем не тем, что нужно, вернулась к прямому контакту наших глаз. Странная радужка, чисто золотистая у зрачков и с множеством крапинок цвета шоколада ближе к краю, формирующих темное кольцо.

– Для начала – согласие на выяснение причин Вашей такой реакции на людей с разным генетическим статусом. – Тюссан наконец поднялся, и я, как могла, скрыла облегченный вздох.

– Посылаете меня к мозгоправу? – Черт, противно это, конечно, тем более что я прекрасно отдаю себе отчет в наличии и источнике затруднений, которым, собственно, сама и являюсь, но если так надо, чтобы сохранить свое место на «Ковчеге», то я готова.

– Нет, все не так радикально, – уголок рта Тюссана дернулся и приподнялся, а глаза прищурились. Он мне улыбнулся? Да ладно? – То есть, конечно, отправить Вас к профессионалу было бы правильно, но только в том случае, если бы я не ощущал вины за Ваше нынешнее поведение.

– Простите? – Что вообще происходит?

– Госпожа Старостина, могу я Вас называть «София»? – Нет, не можете, с чего бы это?

– Да, конечно, – вместо этого пробормотала я, наблюдая, как он величаво усаживается напротив.

– Итак, София, так уж вышло, что в нашу первую встречу я повел себя не слишком корректно. – О, так теперь именуют высокомерие, граничащее с откровенным хамством? – Теперь мне за это стыдно, и я отдаю себе отчет, что раздражение на сложившиеся обстоятельства, за которые Вы ни в коей мере не были ответственны, нисколько не оправдывает меня. Поэтому извиняюсь и предлагаю совершить... хм-м... некую перезагрузку наших неверно сложившихся взаимоотношений, что, видимо, и послужило для Вас причиной напряженности в общении с остальными Модификатами.

Я чуть не рассмеялась от облегчения и изумления одновременно. Безусловно, замечательно, что никто меня с корабля выкидывать не собирается, и приятно узнать, что капитан не ненавидит меня тайно и явно, но, черт возьми! Это никак не меняет понимания, каких все-таки размеров его эго! Он снова приписал единолично себе способность повлиять на мое отношение к Модификатам в целом. Ну еще бы, разве могло быть по-другому, он же себя сразу местным божеством окрестил. Но как бы там ни было, разубеждать его не входило в мои планы.

– Но, с другой стороны, дело может быть совсем и не во мне, – продолжил Тюссан, не дожидаясь моего ответа, – а в скандальном расставании с Вашим бойфрендом, тоже Модификатом.

– Скандальном? О чем Вы? – слегка опешила я.

Капитан еще больше прищурился, изучая мою реакцию на степень искренности.

– Я так понимаю, последние новости с Земли Вы не отслеживаете? – заключил он.

Как-то не до того было, предполетная подготовка полностью захватила все мое внимание. К своему стыду, я только раз говорила с Алисией, это было на следующий день, после прибытия на «Ковчег», и наша беседа... это был, собственно, сплошной поток моего восторженного сознания.

– После того как достоянием широкой общественности стало то, что Вы займете место в команде «Ковчега», некто Себастьян Людо счел нужным просветить всех, что Вы некоторое время были близки и, на его искушенный взгляд, Вы нисколько не подходите для возложенной миссии. – Снова пауза и пристальное рассматривание. – Якобы Вы, София, придерживаетесь весьма консервативных взглядов и Вас сложно назвать лояльной к Модификатам.

Ну не тварь ли? Нет, я все понимаю, но такого не ожидала, Басти.

– Господин капитан, – несмотря на то, что внутри все прямо вскипело, я прилагала максимум усилий, чтобы как можно тщательней подбирать слова.

– Рожер, София. Вы же не думаете, что это движение в одностороннем порядке, – прервал меня капитан.

– Хорошо, Рожер, – кивнула, не слишком заморачиваясь тем, что переход на более личный уровень произошел немного резковато. – Так вот, мое расставание с Себастьяном Людо случилось на почве разногласий интимного характера, а не моей лояльности или отсутствия оной в отношении людей с генетическим статусом, отличным от моего. И эти его заявления... скажем так, мне не понятно, чем я их могла заслужить. – И ладно, раз раскрыла рот, то надо заканчивать, нечего ходить кругами. – Да, признаю, что в присутствии Модификатов я веду себя несколько скованно, но причина совсем не в неприязни. Скорее уж с точностью до наоборот. Собственное физическое несовершенство – вот основная причина. Я адекватно мыслящий человек и работаю над собой, чтобы свести даже этот дискомфорт к нулю. И я привыкла добиваться результата, так что считаю свое пребывание на Ковчеге оправданным и не несущим никакой угрозы.

– Спокойно, София! Я нисколько не сомневаюсь, что так и есть. Если бы я не видел в Вас великолепного профессионала и вменяемую личность, то давно отправил бы на Землю, – Рожер наклонился вперед, ловя мой заметающийся по кают-компании в гнев взгляд.

Я посмотрела на свои руки и только сейчас осознала, что сжала до хруста кулаки и дышу часто, едва ли не дым из ноздрей валит. Позорище! Вот так позволить лишиться себя равновесия гадким измышлениям бывшего любовника!

– Вы были против моей кандидатуры – чем не повод воспользоваться ситуацией? – А язык-то стоило прикусить, Софи.

– Я уже извинился за первоначальные ошибки, София, – указал мне Тюссан, и стало стыдно.

– Да, простите. Я немного... выбита из колеи, – пробормотала, отводя глаза. – Просто поведение Себастьяна... не понимаю, в общем.

– Это ведь Вы были инициатором разрыва? – Я кивнула, скривившись от воспоминания. – Ну, в таком случае я понимаю неудачника, хотя несколько не оправдываю низость его поступка. Мужчина должен уметь достойно проигрывать.

– Что Вы имеете в виду? – вскинула я глаза и замерла.

Рожер Тюссан теперь улыбался мне совершенно открыто, и это неожиданным образом стремительно повысило температуру в помещении.

– Если бы меня бросила такая женщина, как Вы, София, я бы тоже был как минимум зол. – Пока я выдумывала остроумный ответ, капитан продолжил: – И к вопросу Вашего мнимого несовершенства. София, поверьте, у Вас нет абсолютно никаких причин испытывать неловкость по этому поводу. Абсолютно никаких. Я говорю об этом не как капитан, ответственный за психическое равновесие каждого члена команды, а как мужчина, имеющий глаза.

И-и-и тут я смутилась. Так, что аж щеки запылали и дышать стало трудно. Я и припомнить не могла, когда вот так вот вспыхивала, и не знала, куда уткнуться взглядом. В одно мгновение я с особой остротой осознала, что передо мной не просто капитан, раздражающий тип, а еще и мужчина. Ошеломительно красивый мужчина, который только что без всякого стеснения признал меня привлекательной. А еще мы тут совсем одни, и воздух между нами будто загустел и заискрился электричеством, от которого затвердели мои соски, чего совершенно не скрывала одежда. Глупость какая! Как, начав с разговора о моем отношении к Модификатам, мы умудрились добраться до такого?

– Спасибо, – только и смогла промямлить я. – Могу я теперь идти?

Не идти, а бежать надо сломя голову.

– Еще минуту, – остановил меня Тюссан. – Хочу подвести черту. Я очень рад, что нам удалось поговорить обо всем, София, причем с достаточной долей откровенности, что, надеюсь, позволит успешно избавиться он напряженности и Вам, и мне. – Этот мужчина испытывал напряженность? Вот уж не подумала бы. – И хочу добавить, что мне стыдно за поведение Себастьяна Людо, и хотелось бы верить, что его поступок не заставит Вас, София, вычеркнуть всех мужчин-Модификатов из зоны своего внимания.

– Имеете в виду что-то определенное... Рожер? – Или правильнее будет сказать – кого-то?

– Вполне возможно, София. Но это тема для другой беседы, – и он снова улыбнулся, смутив меня и спутав мысли. Больше всего потому, что ну не выходило у меня воспринимать проявление его дружелюбия однозначно положительно. Что-то тревожно напряглось внутри, противясь даже собственному возбуждению. Не слишком приятное состояние для кого-то вроде меня, привыкшего полагаться на понятия и вещи более реальные, осязаемые, поддающиеся изучению и измерению, а не на какие-то ощущения и отголоски странных эмоций.

– Отменить блокировку! – громко приказал капитан, и дверь, снова смачно чавкнув, отехала, вырывая у меня еще один облегченный вдох.

Мне срочно требовалось пространство и одиночество для обдумывания произошедшего. Вскочив, я направилась на выход.

– София, хотел спросить по поводу завтрашней жеребьевки, – окликнул меня капитан. – Хотите быть в первой смене?

– От моего желания это никак не зависит, – пожала я плечами. – Но, если подумать... даже не знаю. Признаться, меня немного пугает перспектива погружения в стазис. Понимать, что ничего не будет зависеть от моего контроля, – страшновато. Но с другой стороны, сейчас или спустя полгода, но пройти через это придется. Так что... без разницы, как выпадет, так тому и быть.

– Мне нравится, что Вы не стесняетесь признавать наличие у себя страхов. Это придает Вам больше естественности, – сказал Тюссан.

– Да куда уж ее еще больше, – осмелилась теперь уже улыбнуться и я. – Еще увидимся, Рожер.

– Это точно. Куда от этого денешься на «Ковчеге»-то! – донеслось мне вслед.

Глава 4

Уже добравшись до личного отсека, я покачала головой, отмечая, что капитан поимел меня. Однако, каков все-таки почти гениальный засранец. Раскачал мои эмоции сначала своими извинениями, искренность которых под вопросом, потом вовремя «огрел по голове» новостью о гадком поступке Басти, перенаправив весь негатив на бывшего любовника. И вот я и выболтала все об истинной причине своего подспудного раздражения. А потом смутил, погладив по шерстке и заставив почувствовать себя чуть ли не красавицей, в которой он и сам мог быть заинтересован. Ну-ну, а то я не поняла из новостей, что спит наш капитан исключительно с роскошными женщинами-Модификатами. Впрочем, дела мне до этого нет, хотя... прямо-таки «Браво!», Рожер Тюссан! Напряженность, все время клубившаяся где-то под ребрами, вдруг испарилась, и даже дышать стало как-то легче. Нужно признать, что как капитан, призванный все контролировать и блюсти порядок и мир на корабле, Рожер оказался более чем великолепен. Пусть и поигрался с моими эмоциями, но главного добился: мой разум вернулся на положенное место, и плевать мне теперь на такие мелочи, что рядом с генетически измененными дамочками, похожими на стремительных и грациозных газелей, я выгляжу какой-то старинной приземистой табуреткой с вычурными и немодными давно изгибами. Я получила просто умопомрачительный шанс, оказавшись на Ковчеге, и возня вокруг собственного эго – самое последнее дело теперь. А что касается затронутой Тюссаном темы о возможных отношениях с кем-то на Ковчеге... Понятно, что все эти годы я не собираюсь блюсти целибат и избегать мужчин в принципе, но сейчас-то это совершенно неактуально. Образуется все как-то само собой, когда возникнет необходимость. На самый крайний случай есть камеры сенсорной стимуляции.

– Госпожа София Старостина, вторая смена! – низким, чуть хриловатым голосом произнесла Абигаиль Худу. Высокая, лишь сантиметров на пять ниже нашего капитана женщина-Модификат с кожей цвета чуть позолоченного кофе, посмотрела на меня своими огромными, влажно поблескивающими глазами с серебристыми радужками, дожидаясь, пока кивну. Она стояла за прозрачной временной стойкой с экраном посреди главной кают-кампании и оглашала результаты жеребьевки, придавая каждому слову сексуальное звучание. Однозначно пакет ее модификаций – «Бьюти», но наверняка еще что-то, потому что просто за красоту на «Ковчег» никого не взяли бы. Спорим, почти у каждого мужика в этом зале встает при взгляде на эту потрясающую черную богиню? Не зря же нашего капитана видят чаще всего в ее обществе. И надо признать, они безумно гармонично смотрятся рядом. Чисто машинально повернула голову туда, где сидел Рожер, и поймала его наблюдающим за мной. Снова. Странно, что наш разговор в этом смысле мало что изменил, и Тюссан по-прежнему отслеживал меня, когда мы оказывались в одном помещении. И даже более того. Он вчера появился в лаборатории и стал интересоваться у меня и моего сменщика Олега Тишина, все ли оборудование функционирует нормально и не требуется ли нам дополнительная помощь техников, не хотим ли мы заказать больше дронов-помощников. В принципе, совершенно правильное поведение капитана, желающего лично убедиться, что все идет как надо, учитывая, что осталось чуть больше суток до старта. Если не считать опять же этого его неотрывного взгляда, который, будь на месте Тюссана кто-то другой, я сочла бы по-мужски заинтересованным. Нет, думать в этом направлении я отказываюсь. Почему? Да потому что этот мужчина и я в постели – по умолчанию плохая идея. Краткая интрижка с любым другим – еще может быть, хоть я и не любительница всего случайного. А в Тюссане слишком много мощной, осязаемой энергетики, которая

оставляет после себя несмываемые следы не только на женском теле, но и на сердце. Так что, как говаривали наши предки, чур меня!

Я провела ладонями по бедрам, вытирая их от выступившей в ожидании результатов жеребьевки влаги, и облегченно выдохнула. Стазис – так стазис. Даже лучше, что завтра, а не ходить с этими мыслями полгода. Думаю, после первого раза страх уйдет, и мысль о превращении на шесть месяцев в практически неживой предмет перестанет казаться столь ужасной.

После окончания жеребьевки последовала вечеринка «Прощай, дом», с которой я улизнула, чтобы проскользнуть в личный отсек и вдоволь наобщаться в сети с друзьями. Я не стала упрекать Алисию за то, что она промолчала обо всех тех гадостях, которые вываливал на меня Себастьян. В конце концов, она хорошая подруга и наверняка таким образом старалась продемонстрировать мне, насколько ничтожными находит потуги Басти опорочить меня вдогонку. И я, в принципе, даже уже не злилась на жалкого придурка. Завтра я усну, а когда проснусь, Земля и вся мелочная суета, им устроенная, будут в миллионах километров от меня.

Мелодичный звук оповестил о том, что кто-то желает разбавить мое одиночество.

– Покажи! – приказала, и дверь стала прозрачной, а я тут же вскочила, озадаченно пялясь. Капитан собственной персоной стоял за дверью и небрежно постукивал пальцами по ее поверхности.

– Что-то случилось? – встревоженно спросила, открыв. – Проблемы в лаборатории?

Почему тогда не было сигнала?

– Нет, что Вы, София! Все прекрасно. Могу я войти?

– Зачем? – Не слишком любезно, но я предпочитаю конкретность в определенных аспектах жизни.

– Разве Вы подросток, София, чтобы мне нужно было объяснять, зачем может прийти мужчина к женщине в столь поздний час? – Вот теперь в том, что ухмылка капитана была похотливой, граничащей прямо-таки с плотоядностью, сомнений не возникало. – Так я могу войти?

– Войти можете, Рожер. Но спать я с Вами не буду.

Тюссан шагнул внутрь, и дверь с едва слышным звуком скользнула на место, а я немного попятилась. Вовсе не из страха, а потому что, надо признаться, не слишком доверяла реакциям своего тела в такой близости от этого мужчины. Потрясающего, излучающего секс, заставляющего стремительно греться мою кровь, но при этом... чем-то неуловимо отталкивающего и настораживающего.

– Ты так резка и прямолинейна, София, и этим, наверное, и зацепила меня с первой же встречи.

– В первую встречу ты смотрел на меня как на нечто в высшей степени досадное, – подхватила я его тон. Хочет на «ты» – я не против.

– Я уже признал, что действительно был зол. А когда ты ворвалась, как фурия, раскрасневшаяся, запыхавшаяся, с испепеляющим взглядом, и бросила мне в лицо, что я заносчивый придурок, разозлился еще больше. Потому что вместо того чтобы думать о деле, внезапно представил, как я нагибаю тебя прямо над столом Зески и трахаю до тех пор, пока ты бы не начала столь же эмоционально реагировать совсем по другой причине.

– Как пошло и банально, – фыркнула, неожиданно представив какую цветовую какофонию выдал бы стол моего бывшего шефа, устрой мы на нем нечто подобное.

– Пусть так, – несколько не обидевшись, пожал широкими плечами капитан. – Зато правда. Тебе ведь нравится, когда все абсолютно честно?

– Безусловно, – согласилась я, – но честность не даст тебе пропуск в мою постель.

– Хм... – немного озадаченно потер он переносицу. – А что даст? Готов обсудить условия.

– Боюсь, что ничто. Я считаю, что секс с тобой будет с моей стороны ошибкой, – призналась я. – А ошибок я стараюсь избегать.

– Это из-за этого мелкого ублюдка, твоего бывшего?

– Не-а. Это из-за тебя самого. Ты приходишь – нам хорошо, ты уходишь, чтобы двинуться дальше, в итоге – мне плохо. Зачем мне хотеть начинать что-то, от чего абсолютно точно будет плохо?

– Что же, логично, – криво усмехнулся Тюссан. – И весьма жаль, что ты не можешь подходить ко всему этому с большей легкостью.

Теперь я пожала плечами:

– Я такая, какая есть.

– Ну да. Резкая, эмоциональная и очень естественная. Потрясающее сочетание, София. Так что повторюсь – мне жаль. – На самом деле, на его лице совсем не отразилось и тени сожаления, когда он направился к двери. – Доброй ночи!

А о чем ему, и правда, сожалеть? Он сто процентов найдет кого-то «с большей легкостью» раньше, чем вернется на вечеринку. Да и черт с ним. Осложнение в виде капитана Тюссана мне точно не нужно.

Я попала во вторую десятку и вошла в отсек гибернации одной из первых, сумев удержать на лице улыбку. Бояться совершенно нечего. Капсулы с предыдущей партией уже отправленных в стазис членов команды как раз перемещались, занимая места своего расположения на следующие полгода у дальней, погруженной почти в полную темноту стены отсека. Очень скоро и я окажусь там. Нормально. Все идет абсолютно нормально.

– Все готовы? – с лучезарной улыбкой спросила Лорен Милфой, ассистент доктора. Обычный для Модификатов высокий рост, золотистая сияющая кожа, большие голубые глаза, грациозные движения, будто она все время танцует, а не просто занимается исполнением своих прямых служебных обязанностей.

– Тогда приступим! – дождавшись от всех нас положительного ответа, скомандовала она и сделала широкий жест, предлагая встать около наших капсул. – Давайте, ребята, вы нужны мне голенькими аки младенцы!

Подойдя к месту моего пребывания на ближайшее время, я провела пальцами по идеально гладкому обтекаемому боку и, последний раз глубоко вдохнув и выдохнув, нажала в центр эмблемы «Ковчега» на своей груди. Скаф-пленка тут же стала отделяться от моей кожи, съезжаясь и соскальзывая вниз, вызывая, как всегда, ощущение легкой щекотки. К обнаженному плечу прижался прохладный металл инъектора, и очередная доза препарата с едва заметным жжением проникла в мою кровь. На сегодня это уже третье введение, но теперь препарат был не общеуспокоительным, а непосредственно замедляющим все основные функции. Все этапы погружения в стазис мне были прекрасно известны, но, оказывается, проходить через это самой ощущается абсолютно по-другому, нежели проводить через то же самое других.

– Займите свои капсулы, господа! – последовала очередная команда. Я забралась в нутро умной техники, укладываясь спиной на пружинящую подогретую поверхность, и уставилась в потолок, прислушиваясь к своему дыханию и сердцебиению.

Ступней коснулось нечто влажное, и как я ни старалась сдержаться, все равно вздрогнула. Хотя это была лишь биопленка. Что же, София, вот и пришло время испытать на себе одно из своих творений. Хотя какие там, собственно, испытания, все давно уже опробовано до меня и стало обычным элементом процесса гибернации, но, к сожалению, для меня это не делало все проще.

– София, Ваше сердцебиение все еще гораздо выше нормы, – склонилась надо мной Лорен с озабоченным видом. – Может, нам стоит увеличить дозу «стопстресса»?

Прекрасно, не хватало еще устроить представление для окружающих, умудрившись схлопотать нечто вроде панической атаки. Вот ведь позорище! У меня же нет никаких выявленных фобий, в том числе и боязни замкнутых пространств! Так какого же черта!

– Не стоит, – ответила я девушке, хотя на самом деле не мне принимать такие решения, а непосредственно доку. Но все видят во мне специалиста, прекрасно разбирающегося в процессе. Ага, а ты, София, при этом собралась облажаться! Прекратить это! Немедленно!

Паршиво, что на злость и стыд наш организм реагирует почти так же, как на страх. Мягкие влажные касания наносимой широкими лентами пленки добрались уже почти до моей талии, а особых успехов в борьбе с собой я так и не достигла. А все потому, что не должно быть никакой борьбы, нужно расслабление, постепенное соскальзывание, а не преодоление. Я уже почти открыла рот, чтобы попросить дополнительную инъекцию, как услышала бархатистый голос капитана:

– Здесь все в порядке? – И в сознании вдруг словно что-то щелкнуло, переключая все внимание на факт присутствия тут Тюссана. С чего это он пришел сюда? Хотя это право и обязанность капитана – контролировать все и всюду. Да уж, может, он и не преувеличил, нарекая себя местным богом. Ага, вездесущим и всезнающим. Неожиданно от этой мысли мне стало смешно, и в голове, наконец, чуть поплыло.

– У Софии есть небольшие проблемы с расслаблением, – немного томно промурлыкала Лорен, а может, мне так просто казалось, учитывая, что мой разум начал отчаливать в объятия Морфея.

– София? – Лицо Тюссана появилось прямо передо мной. – С Вами все хорошо?

– Лучше не быва-а-а-ае-е-ет! – Это я так растягиваю слова?

Свет вокруг Рожера начал странным образом преломляться, и теперь я видела его окруженным коконом из радужного сияния. Какой же он все-таки красивый, просто до невозможности. Почему я отказалась поцеловать эти губы? Почему не позволила себе хоть разок исследовать все это великолепное тело, не испробовала на вкус его кожу, не узнала, как будет выглядеть его лицо в момент оргазма? Я все еще знала почему, вот только сейчас это было так несущественно.

– Точно? – Как же смешно он хмурится.

– Как жаль, что спать с тобой – паршивая идея! – Вот и зачем я это лягнула? А-а-а-а, ладно, кому какое дело.

– У меня уйма времени, чтобы убедить тебя в обратном, София! – ухмыльнулся Тюссан.

– Не вы-ы-ыйдет! – А ничего так звучит мой голос. Почему я биолог, а не певица?

– У меня все и всегда выходит, София. По-другому не бывает. – Разве в этих словах нет чего-то зловещего? – Если не выходит играть по чужим правилам, я ввожу свои собственные.

– Не-не-не! – Я хотела поднять руку, чтобы помахать пальцем у его красивого носа, но не смогла даже шевельнуться, да и язык уже, похоже, жил своей жизнью. Близилась полная мышечная релаксация. Хорошо! – Со мной это не сработает!

– Уверены?

– Я уверена, что Вы, капитан, пялитесь на мою грудь, – прошептала я. А может, мне показалось, что прошептала.

На самом деле, я сейчас не могла бы даже сказать, покрыли ли ленты биопленки мою грудь или нет. Чувствительность кожных покровов уже полностью пропала.

– Если и так, Вас это раздражает? – спросил капитан, наклоняясь к самому моему лицу. Очень удобно, учитывая, что мое зрение к этому моменту уже стало тоннельным и я едва различала его. Только теперь вокруг его лица была непроглядная тьма, и совершенство черт стало каким-то чрезмерным и мрачным.

– Мне плева-а-а-ать! – Кажется, я сказала именно это.

– Неужели? – Похоже, кому-то весело, но этот кто-то уже слишком далеко, на другом конце этого самого тоннеля, и разглядеть его невозможно, да и не хочется. – Поговорим на эту тему, когда вы проснетесь. Я буду ждать.

Я тоже. Ведь буду? Только чего?

Глава 5

Огромная круглая дверь отсека хранения встала на место, отрезая мне, пятидесяти моим мини-помощникам и платформе с анализатором и стерилизатором пути к отступлению. Понятное дело, я драматизирую, и ничто не мешает мне развернуться и уйти отсюда. Просто ничего не могла поделать с тем, что по спине пробежал холодок, а плечи зябко передернулись, хотя температура здесь была не намного ниже, чем в жилом сегменте «Ковчега». Обследовать на предмет возникновения биологической опасности эту часть корабля мне не нравилось. Все эти стоящие рядами здоровенные экзоскелеты, с их устрашающими руками-манипуляторами, похожими на причудливо изогнутые колоны ногами, моему воображению упорно представлялись затаившимися коварными монстрами. Эдакими чудищами, что присели повсюду вдоль стен, ожидая, когда глупая жертва вроде меня сама придет в зону их видимости. А абсолютно черное стекло лицевых щитков мнилось провалами в другую реальность, из которой за мной наблюдало нечто жуткое. Да уж, София, до сих пор ты и не подозревала за собой наличие еще и страхов мистического характера. Кто бы подумал, что подобное может тебе в голову прийти при виде самых обыкновенных механизмов, по сути, своего рода скафандров, только громадных и роботизированных, да к тому же дезактивированных. Можно себя оправдать, конечно, тем, что на Земле мне никогда не случалось бывать вблизи таких технических творений, я была совершенно не знакома с принципом их действия, или свалить на то, что мозг еще не совсем отошел от последствий стазиса. Хотя это вряд ли. После пробуждения прошло уже десять дней, обследование подтвердило полное выведение всех препаратов из организма, и ни мои личные прежние наблюдения за пробужденными, ни сведения, полученные от коллег, не свидетельствовали о возможности возникновения таких последствий, как странные тревожные фантазии или появление прежде не существовавших фобий.

– Больше света! – громко приказала я и даже прищурилась от того, насколько ярко засверкали некоторые детали спящих машин при усилившемся освещении.

Поморщилась, вспоминая далеко не приятные ощущения при выведении из сна. Было так чертовски жарко, будто в мою кровь непрерывно вливался кипяток, норовя сварить все органы изнутри вкрутую. К тому же возвращать подвижность собственным мышцам, которые упорно сопротивляются, тоже не относилось к приятным впечатлениям. Какое-то время я чувствовала себя буквально запертой в собственном теле, не способная даже открыть глаза или шевельнуть пальцем. Обо всех этих симптомах я знала раньше и морально к ним готовилась, но предварительная подготовка оказалась мало полезной в самый первый момент, пока разум пребывал в смятении, и я была полностью дезориентирована. Вот где глубокий голос капитана, щедро наполненный успокоительными нотками и почти гипнотическими вибрациями, пришелся более чем кстати. Да, он выполнил свое обещание дожидаться моего пробуждения, и его лицо было первым, что я увидела, когда наконец смогла совладать с веками и поднять их, после того как Тюссан проговорил со мной, наверное, почти час, рассказывая какие-то нелепые истории времен его пилотской стажировки. Надо признать, что сначала я испытала едва ли не счастье и желание обнять его, преисполнившись благодарности за то, что мне не пришлось лежать и слушать только писк приборов и краткие указания медперсонала, возвращаясь из состояния овоща, когда даже звука издать не можешь. Сейчас же я чувствовала лишь неловкость.

– Приступим, ребятки! – обратилась я к дронам, отмахиваясь от размышлений о причинах непонятной настойчивости капитана. То есть, с одной стороны, чего уж тут непонятного. Интерес примитивного характера – одна из простейших и естественных вещей, и мне ли не знать, что он произрастает из самых глубин сознания людей, и зачастую мы не всегда можем дать себе отчет, почему страстно желаем какого-то человека. Не влюбляемся, не хотим

знать ближе, а именно хотим физически, хотя разумной своей половиной прекрасно понимаем, насколько это неуместно и неправильно. Но, с другой стороны, с чего проявлять такое упорство и тратить столько весьма ценного его капитанского времени ради того, чтобы переспать со мной, когда есть элементарный способ просто избегать встреч и не провоцировать влечение? Ведь Рожер дал понять более чем очевидно, что серьезных отношений он не ищет, да и количество доступных вариантов секса без обязательств для него необычайно обширно. Зачем ему то и дело пересекаться со мной и напоминать и так и эдак, что его предложение до сих пор в силе? Нет, он, естественно, не навязывался, в его поведении не было и намека на жалкое преследование или наглые приставания, никаких скабрёзных шуток или прямых пошлых предложений, просто пара брошенных невзначай фраз, наполненных едва уловимой двусмысленностью, и пристальный взгляд, говорящий «помни, что ты можешь поиметь».

– Погано, что ты, Софи, слишком много думаешь об этом! – сказала вслух, хоть так разбавляя пугающее безмолвие, царящее в этом пристанище неподвижных механических чудовищ. – А значит, Тюссану все же удалось залезть тебе в голову и комфортно там расположиться. А ведь ты именно этого и пыталась не допустить.

Да, и это тоже парадоксальная особенность человеческой психики. Чем больше мы что-то или кого-то стараемся изгнать из своих мыслей, тем быстрее нежеланное пускает корни в закоулках разума. Что-то довольно громко звякнуло позади, и я подпрыгнула, едва не грохнувшись на пол планшет, в котором как раз задавала параметры поиска дронам. Оглянувшись, я поняла, что один из моих маленьких круглых помощников, очевидно, врезался в «ногу» стоящего метрах в десяти от меня экзоскелета и произвел этот шум. Странно, учитывая, что десятки гибких щупов с микроанализаторами работали по принципу кошачьих вибрисс, позволяя дронам прекрасно ориентироваться в пространстве и избегать любых столкновений с чем бы то ни было. Видимо, нужно его пометить и отправить на диагностику к техникам. А пока стоит пошевеливаться. Этот чертов отсек просто огромен, и мне надо за сегодня обшарить хотя бы его треть на предмет появления бактериального или любого прочего загрязнения, а на это уйдет вся моя двенадцатичасовая смена. И опаздывать нельзя, или весь график обследований полетит. Конечно, абсолютно все, каждый предмет, попавший на борт «Ковчега», проходил очень жесткое обеззараживание, и, в принципе, шанс на попадание чего-то патогенного был сведен почти к нулю. Но реальность такова, что именно мы, люди, и являлись главными источниками бактериальной и микробной опасности, и с этим ничего нельзя поделать. Примерно десять тысяч видов всевозможных бактерий живут в нас и на нас со времен сотворения как вида, если можно так выразиться. Они никак не проявляют себя в обычных условиях и абсолютно безвредны. Но под воздействием космической радиации, измененной гравитации, всевозможных излучений, не все из которых еще в совершенстве изучены, любой из этих крошечных организмов может подвергнуться спонтанной мутации и начать вытворять что-то гадкое, способное поставить под угрозу и жизни людей, и исправность техники. Кто-то, скажем, коснулся того монстроробота или стены – да чего угодно – пальцем или чихнул, уронил волос, чешуйку кожи, оставив после себя сразу сотни тысяч живущих на коже или внутри бактерий. Оказавшись без привычной среды обитания, большинство из них погибнут и весьма скоро. Но может случиться и по-другому. Спустя какой-то месяц есть вероятность обнаружить в этом месте колонию радикально изменивших свою суть и биологию микробов, которые теперь стали жрать металл, пластик – все, что сочтут съедобным. Конечно, печальную участь старой станции «Мир», практически полностью захваченной бактериями, которые даже смогли в своей эволюции достигнуть фазы многоклеточных червей-колоний, ни один корабль не повторял, но прецеденты были. А учитывая, что мы уже сейчас в полугоде полета от дома, помочь нам некому, бежать с корабля некуда, нельзя допустить и намека на заражение, что как раз и входит в мои обязанности. Само собой, мониторинг всего корабля ведется непрерывно, и масса сложной техники следит за любыми изменениями. Но живое обследование, способное выявить возможную угрозу там, где ее про-

пустит самый чуткий прибор, имеющий, как ни крути, четкие, но ограниченные определенными критериями настройки, еще никто не отменял. Человеческая наблюдательность, а иногда и пресловутая интуиция точнее и результативнее любых приборов. На то, чтобы облазить весь «Ковчег», уходит стандартный месяц по графику, составленному Тишиным. Шесть полных обходов до следующей фазы стазиса. Плюс – контроль производства пищевого белка, над созданием которого тоже трудятся малышки-микробы... да масса всего еще. Скучать как-то не приходится. На Земле я работала в разы меньше, но жаловаться не собиралась. Мне все очень-очень нравилось. Ну, кроме этого, блин, долбаного подобия кладбища из старых фильмов ужасов. Позади опять что-то звякнуло.

– Да прекрати ты уже! – раздраженно крикнула, оглядываясь. И да, я прекрасно понимала, что нервничать и повышать голос на дрона – полнейшая глупость. Мой рык не сделает его исправным. Минуточку! Разве вон та металлическая громадина была в такой позе? Разве не должны они все стоять одинаково?

– Надо заканчивать побыстрее в этом проклятом саду горгулий! – пробормотала я и шагнула вперед, отворачиваясь, но тут же снова засекла движение краем глаза.

– Какого... – Я вся аж взмокла под одеждой, мгновенно поняв, что один из роботов-экзоскелетов совершенно бесшумно повернул свой массивный корпус, будто отслеживая меня. – Немедленная дезактивация!

Робот не шевельнулся и на команду никак не среагировал. С другой стороны, откуда мне знать, не должно ли так и быть?

– Ла-а-адно, – прошептала, беря под контроль свое дыхание и отступая на шаг. – Чем он может мне угрожать, в конце концов? Это всего лишь машина, запрограммированная на подчинение человеку, и вреда не нанесет в принципе. Ведь так?

Кончай разговаривать с собой, София! Я хлопнула по тыльной стороне ладони с коммуникатором.

– Это София Старостина! Вызываю команду техников в отсек хранения, первая зона!

– Второй помощник капитана Михаил Коржин на связи! Причина вызова? – прозвучал голос в моем ухе.

– Кажется, у нас тут спонтанная активация одного из экзоскелетов! – Я шагнула в сторону, и чертова машина опять проследила за мной.

– Прошу прощения? – от еле уловимой насмешки в голосе помощника меня аж затошнило. – В отсеке хранения в первой зоне нет никаких экзоскелетов. Только роботы «Сталкеры».

– Думаете, меня хоть немного тр... колышет, как эта хрень правильно называется, Коржин, когда оно пялится на меня? – гневно зашипела я, пятясь все быстрее.

– Самопроизвольная активация без непосредственного вмешательства оператора совершенно невозможна, Старостина! – огрызнулся засранец. – И пялиться, как Вы выразились, на Вас уж точно не может! Вам это почудилось, стоит в свободное время почаще посещать отсек релаксации! Но если уж Вам так страшно, Старостина, я могу выслать одного из техников в качестве няньки, оторвав, естественно, от реально важных дел.

Вот урод! Значит, я истеричка, которой черт-те что мерещится? В этот момент, будто издеваясь над словами второго помощника, ноги робота выпрямились, делая его еще на метр выше, и он шагнул ко мне, грохнув шипованной металлической ступней по полу отсека.

– Да пошел ты! – уже совсем паникуя, заорала я. – Оно ходит! Посмотри в свою гребаную камеру, если мне не веришь!

«Сталкер» вдруг размахнулся своей длиннющей ручищей и сшиб в полете сразу два моих дрона-помощника, приблизившихся к нему. Бедняги с огромной скоростью врезались в переборку и рассыпались на части. Вот теперь я испугалась по-настоящему.

– Немедленная дезактивация! – закричала, оглядываясь в поисках укрытия. Ничего, кроме других таких же спящих механических чудищ, не наблюдалось. Но, по крайней мере, они не двигались.

– София, что у Вас случилось? – бархатистый голос Тюссана, возникший в канале связи, заставил на секунду вздохнуть с облегчением.

– Робот... – больше я ничего не успела сказать, потому что одичавшая машинище пришла в стремительное движение и рванула в мою сторону. Я метнулась за корпус ближайшего робота, но это не остановило нападавшего. Он шарахнул по моему укрытию, и я едва успела откатиться в сторону, чтобы не быть раздавленной упавшей грудой.

– София! София, отвечай! – надрывался в моем ухе капитан, а я только и смогла завизжать, когда «Сталкер» напал снова, снося в проход следующего своего собрата, за которым я спряталась.

Боже, неужели вот так я и умру? Меня прихлопнет, как муху, сбрендивший робот? Идиотская ведь смерть. Идиотка ты, София, что думаешь об этом, вместо того чтобы искать пути к спасению. Новый удар и оглушительный грохот – очередная моя перебежка.

– Всем дронам собраться ко мне! – заорала я в надежде, что планшет не растоптан в суматохе, и мой вопль на таком расстоянии будет принят за полноценную команду.

Мгновение спустя один из моих малышей появился в зоне видимости, стремясь в мою сторону. Естественно, чокнутый робот его засек и сбил. Но появился еще один, и еще, и «сталкер» закрутился, атакуя каждый и временно переключаясь с меня. Двигаясь вдоль стенки, позади ряда со спящими машинами, я ломанулась в сторону выхода, обходя воюющего с дронами агрессора. Я никогда в жизни так не бегала, но все же этого было недостаточно. Куда уж мне тягаться с машиной в четыре метра высотой и способной развивать скорость болида. Робот ломился за мной, круша все на своем пути, и только это немного его притормаживало. Но устроенный им бардак стал помехой и для меня. В нескольких метрах от двери отсека я наступила на часть корпуса разбитого дрона и грохнулась на пол, едва успев защитить лицо. Сгруппировавшись, перекатилась, пытаюсь спрятаться за ближайшего робота, но опоздала на какую-то долю секунды. Тяжеленная «рука» «Сталкера» обрушилась на пол рядом со мной, «слегка» задев мою лодыжку, и перед моими глазами будто взорвался фейерверк. Потому что этого «слегка» хватило для того, чтобы полностью раздробить мою кость. Господи, какая же боль! Я зашлась в крике, все еще пытаюсь отползти и при этом обреченно наблюдая, как робот снова замахнулся, собираясь превратить в лепешку все мое тело.

– Хальт! Полная дезактивация! – взревел Тюссан откуда-то из-за спины ополоумевшей машины, перекрывая мой вопль.

«Сталкер» замер, рука, уже готовая меня размазать, повисла вдоль тела, и ноги согнулись, как и у остальных роботов. Не веря еще своим глазам, я снова истошно закричала, падая на спину и трясясь всем телом. Краткая вспышка тепла в районе поясницы – капсула вприснула обезболивающее, которое подействовало почти мгновенно.

– София, тише! Все уже кончилось! – Капитан бегло ощупал меня, выругался, добравшись до поврежденной ноги, и хлопнул по своему коммуникатору. – Медотсек, готовьтесь к приему пострадавшей! По первоначальной оценке – раздроблена кость голени, скорее всего, будет много осколков. Тише, София! Уже все хорошо!

– Ни черта не хорошо! – не в состоянии успокоиться зарычала я. – Оно напало на меня! Напало! Как такое вообще могло случиться?!

– Я со всем разберусь! Обещаю, София! – заверил меня Тюссан, выглядя озабоченным, но никак не перепуганным. Ну и правильно: не он же мог сдохнуть только что. – Секунду полежи, я платформу организую.

– Стоять! – рывкнула, поднимаясь на локтях. – Я не останусь рядом с этой хренью ни секунды!

Я стала отползать, волоча раздробленную ногу и с ненавистью зыря на своего обидчика.

– Прекрати травмировать себя еще больше! – приказал капитан, нажимая на панель на стене, от которой тут же отделилась широкая длинная плоскость транспортировочной платформы. – «Сталкер» совершенно безопасен на данный момент!

– Безопасен? Да пошел ты, Рожер! Пошел! Ты! – последнее я прокричала ему почти в лицо, когда Тюссан наклонился, чтобы поднять меня и уложить на парящую над полом поверхность. – Что это вообще за название для рабочего робота «Сталкер»? – Препарат начал уже работать в полную силу, и мысли немного путались. – Какому идиоту оно пришло в голову? Так раньше военные свое барахло называли! У нас что, на борту хреновы боевые роботы, Рожер? За каким чертом они тут?

– Скажи лучше, как себя чувствуешь, София? – спросил Тюссан, игнорируя вопросы, что сыпались из меня.

– Как кто-то, чудом избежавший смерти, как же еще! – силы быстро покидали меня, но огрызаться хотелось от этого не меньше.

– Ты бы не погибла, поверь, я бы такого не допустил, но я рад, что твоя реакция – это злость, а не истерика. – Капитан взял меня за руку, шагая рядом с платформой в сторону медотсека.

– Неужели тебе никто ни разу не сказал, что твое самомнение даже «Ковчег» может не вместить, Рожер? – отобрала я у него свою ладонь. – А что касается истерики, то всему свое время. Будет и она. И ты нарочно избегаешь ответов на мои вопросы.

– Не избегаю. У нас на борту действительно не только рабочие, но и боевые роботы. – Тюссан был абсолютно невозмутим и шел рядом, глядя мне прямо в глаза.

– Зачем? – я поерзала на твердой поверхности, мысленно благодаря разработчиков курсирующих сейчас во мне препаратов. Исчезла не только боль, но и нервная трясучка, и я даже соображать могла вполне четко.

– Затем что мы не знаем, с чем придется столкнуться на Нью Хоуп. Мы должны обеспечить себе максимальную безопасность.

– Дело в безопасности или в агрессии? Есть что-то, что не известно простым смертным? Что такого есть на Нью Хоуп?

– Ничего такого, перестань фантазировать, София. Просто элементарная предусмотрительность.

Как же искренне он звучал и смотрел... Ну почему у меня не выходит доверять каждому его слову? Это ведь ненормально, учитывая, что он по факту мой командир и будет оставаться им в течение уймы лет, а это не просто звание. Капитан корабля в глубоком космосе – это действительно царь и бог, закон и истина в последней инстанции, родитель и старший брат, опекун и повелитель каждого практически твоего действия. За ним всегда последнее слово, его приказы не обсуждаются, его утверждения мне в принципе не полагается ставить под сомнение. Пора ориентировать себя правильно, София, и изменить к нему свое отношение. У меня нет права на перекося в восприятии, произрастающий из личного, потому что рано или поздно это бомбанет чем-то весьма неприятным.

– Хорошо, – наконец смирилась я и вытянулась, заставляя противный тревожный звон в голове отступить. – Черта с два подписалась бы на эту экспедицию, если была бы в курсе, что вы собираетесь убивать кого-то в новом мире!

– София, София! Речь лишь о том, чтобы не дать убить себя, если возникнет угроза! – с легким упреком произнес Рожер, и вот мне уже снова немного стыдно.

– На борту еще есть оружие? – Ой, да прекрати ты уже!

– Нет.

– Хорошо, – повторила я, окончательно расслабляясь.

– Док, Компенсатор готов? – крикнул капитан, пропуская несущую меня платформу в медотсек.

– Мне не нужен Компенсатор! – тут же вскинулась я. – Достаточно воздействия частичного регенератора!

– София, что за детское упрямство, в конце-то концов! – невозмутимость Тюссана следа, будто ее и не было. – Ты наверняка вся в ушибах и ссадинах под скаф-пленкой, а не только нога повреждена!

– Все остальное – ерундовые повреждения и заживут сами собой, и заметить не успею, – упрямо посмотрела на капитана я. – Я не пойду в Компенсатор!

– Мы не на Земле! Я имею право отдать тебе приказ залезть в этот чертов аппарат, хотя бы потому что все члены экипажа должны быть здоровы и в строю! Нарушишь мой прямой приказ?

– Нет. Если ты его не отдашь, то я его и не нарушу. И я обещаю, что буду в порядке уже через сутки!

– Капитан, София! – обратился к нам док Джеремай Питерс, прерывая поединок взглядов. – Вам не кажется, что последнее слово в данном вопросе за мной?

– Нет! – гневно сверкнул глазами капитан, и, к моему удивлению, док просто поднял ладони и отошел, бормоча: «Разбирайтесь сами».

– Почему ты думаешь, что я уступлю, если с твоей стороны не вижу ни единой уступки? – Рожер наклонился ко мне, глядя в глаза так пристально, будто хотел залезть прямиком в мозг.

– Предлагаешь мне переспать с тобой за то, чтобы ты не заставлял меня проходить эту чертову процедуру? – не сдержавшись, огрызнулась, не собираясь отводить взгляд.

– Хм-м... – насмешливо-зловеще ухмыльнулся мужчина, выпрямляясь, – вообще-то я собирался потребовать у тебя внятных и честных объяснений твоему упрямству и странностям в отношении подобных вопросов. Но твое предложение нравится мне гораздо больше.

– Это не было предложение! Это сарказм! – закатила я глаза.

– Никогда о нем не слышал! – фыркнул Тюссан. – Но так и быть – дам тебе выбор. Чего хочешь: поговорить по душам или потрахаться от души?

– Твое чувство юмора ужасно, – буркнула я, понимая, что оказалась в своего рода ловушке.

Конечно, мы не дети малые, и насильно меня никто заставлять не будет, если не захочу. Но вот вопрос. Чего я не хочу больше: откровенничать с капитаном или заниматься с ним сексом. И можно ли вообще говорить о последнем – «не хочу»?

– Никакого юмора. Завтра в восемь по корабельному времени я приду к тебе, и ты оглашишь мне решение, София.

Оглашу. Осталось еще его принять.

Глава 6

По ощущениям самыми неприятными были первые несколько часов, пока кибер-хирург собирал мою ногу. Конечно, в Компенсаторе я провела бы 24 часа без сознания и очнулась целой и здоровей, чем и была, но-но-но... К тому же сказать, что я скучала, не могу. Может, для кого-то это чересчур, но для меня провести какое-то время, наблюдая за большим голографическим изображением того, как постепенно, словно сложный пазл, обретает прежнюю целостность моя кость, было очень интересно. Даже отвратительное чувство копошения в моем теле отошло на второй план при виде того, как кусочек за кусочком тончайшие, словно волос, пальцы-манипуляторы прибора подбирали нужное и аккуратно «приваривали» на место, создавая для начала тончайший слой костной ткани, которая в течение следующих суток под воздействием регенератора нарастет до нормальной толщины.

Как только кость была собрана, мягкие ткани и эпидермис возвращены на место, активная фаза, требующая непосредственного контроля, закончилась. Док предложил отвести меня в личный отсек. Временный протез уже был отпечатан на принтере, с небольшой помощью Джеремай я приладила его к согнутому колену и встала на ноги, пробуя на устойчивость. Безусловно, странновато передвигаться таким вот образом, но это всего на сутки, и лучше так, чем прыгать на костылях по старинке или кататься в кресле! Док пошел меня проводить, но уже метров через сто пути я совсем освоилась и предложила ему вернуться. На прощание Джеремай помялся, сильно хмурясь, словно что-то хотел сказать мне, но потом кивнул собственным мыслям и ушел.

Кошмары с участием бешеного робота мне не снились, гораздо больше этого меня беспокоил предстоящий разговор с Тюссаном.

Капитан явился как раз тогда, когда доктор освобождал мою голень от плотного захвата регенератора, разбирая его и укладывая в небольшой чемоданчик.

– Что, док, София уже в полном порядке? – осведомился Рожер, поздоровавшись кивком и «встав над душой» у мужчины, что явно заставило того занервничать, судя по более резким и суетливым движениям.

– Она будет в полном порядке уже к завтрашнему утру, когда восстановительные процессы в организме окончательно завершатся, – натянуто улыбнулся Питерс. – София, если почувствуете что-то... не важно что, вызывайте меня немедленно.

– А что такого может быть? – пристально уставился на собравшегося уходить дока капитан.

– Ничего. Это обычное напутствие и рекомендация, капитан, – ответил тот и, торопливо попрощавшись, покинул мой отсек.

– Итак, София, звезда моя, слово или действие? – самоуверенно ухмыляясь, Рожер устроился в только что сформировавшемся по его приказу глубококом прозрачном кресле и вытянул свои длиннющие ноги. Вообще-то, мне не очень понравилось, что Клэй – так я назвала локальную систему обеспечения моего личного пространства за приятный мужской голос – без возражений выполнил его указание, но, с другой стороны, на то Тюссан и капитан, чтобы везде быть хозяином.

– То есть, если я сейчас выберу перепихнуться с тобой по-быстрому, больше ты доставать меня вопросами не станешь? – ответила я ему не менее нахальной усмешкой, опускаясь напротив и повторяя его позу.

Рожер пару секунд пристально смотрел на меня, будто оценивая, насколько в моей шутке реальных процентов шутки как таковой, а потом запрокинул голову и рассмеялся. Совершенно не зло, а так, что я тоже невольно заулыбалась и заерзала, ощущая странную дрожь внутри от

такого проявления его веселья. Черт возьми, этот мужчина что-то делал со мной. Волновал или реально нервировал – не пойму, но точно не оставлял равнодушной.

– Перепахнуться по-быстрому – это не про меня, София, – продолжая улыбаться, заявил капитан. – И учитывая, сколько я ждал, даже одним свиданием, думаю, мы не обойдемся.

– Считаешь, у тебя есть шансы заинтересовать меня в долгосрочной перспективе? – Что скажешь: наглеть – так наглеть.

– Безусловно. – Как могут один простой кивок головой и слово быть настолько наполнены утверждением, которому сложно что-либо противопоставить? – И ты в этом убедишься. Со временем, София. Но возвращаясь к вопросу выбора: ты же не можешь не понимать, что теперь я хочу знать причину твоей неприязни к определенной технике, причем разработанной именно твоим отцом, в сто раз сильнее, чем до этого.

– Ага, значит, разговор по душам избавит меня от твоего пристального внимания? – гнула я свое, игнорируя ощущение какого-то ограничения пространства, странного его смыкания в некий замкнутый контур, заключающий нас двоих.

– Снова неверно! С некоторых пор я стал думать, что ничто в принципе не избавит тебя от моего, как ты выразилась, пристального внимания. Сейчас или позже мы будем близки, уж смирись. И я никуда не тороплюсь, так что, будь выбор за мной, сегодня предпочел бы поговорить.

Вот теперь я почувствовала раздражение. Крайне иррациональное причем. Надо быть честной, меня всегда исподволь привлекало в мужчинах нечто... первобытно-собственническое, что ли. Даже стыдно признаться, что в век полного и безоговорочного равенства полов, полной сексуальной свободы и бесконечного искоренения примитивных инстинктов я в глубине души лелеяла глупую фантазию о сценарии отношений из второсортных старинных романов, когда герой, лишь раз увидев героиню, понимал, что вот она, его единственная на все времена, и готов был преодолеть все что угодно на пути к их общему счастью, даже отторжение и непроходимое упрямство самой героини. И четкое понимание, насколько это утопично, а местами и вовсе смешно и тупо, никак не помогало. Логика – это одно, грезы на грани сна и бодрствования – совсем другое. Слова же Рожера... Они были как издевка над моей идиотской, старательно запинываемой в глубины разума фантазией. Как будто мне и мысленных насмешек над собой не было более чем достаточно. Или знания, что, с чисто научной и эволюционной точки зрения, моногамия, особенно для сильнейших самцов, просто неприемлема и является бездарным закапыванием в землю лучшего генетического материала. Но где наука с ее реалиями и где я с тайными мечтами об исключительном месте в жизни своего только предполагаемого избранника.

– Меняешь правила прямо на ходу? – сварливо проговорила, как ни старалась себя сдерживать.

– Вовсе нет. Между нами, насколько я припоминаю, еще вообще нет никаких правил. Но мы всегда их можем обсудить.

– Ты мой капитан, я член твоей команды – это и есть основное правило, – я звучу как какая-то упрямая зануда, оттого что так старательно стараюсь сохранить невозмутимость.

– Которое теряет свою силу, как только мы оказываемся наедине за закрытыми дверями. Сейчас ты просто женщина, я просто мужчина, так что давай исходить из этого, София, – Рожер полностью подхватил и скопировал мой чрезмерно рассудительный тон, и я не могла понять: это насмешка такая, или мы действительно ведем диалог двух взрослых людей, откровенно обсуждающих несколько щекотливую тему. – Нет смысла отрицать взаимное влечение. Я желаю тебя, ты это знаешь. И ты меня хочешь, однако нагромождаешь сложности там, где все должно быть проще некуда. Но, возможно, все изменится, если ты поймешь, что я собираюсь узнать еще и тебя, а не только твое тело, а для этого явно недостаточно разделить постель разок-другой.

Я не ослышалась? Планы капитана относительно меня настолько поменялись, или я чего-то недопонимаю? Есть только один выход – спросить прямо.

– Это твой способ предложить мне отношения? – Дипломатия – не мое.

– Да. – И секундной заминки не было.

– Насколько... хм... они будут закрытыми? – пробормотала, борясь с прорывающимся нервным смехом.

Чего я ожидала? Того, что Рожер пустится в пространные объяснения? Как спросила – так и ответил.

– Имеешь в виду, станем ли мы делать их очевидными для остальной команды или открыты ли мы для других партнеров? – уточнил капитан.

– Оба вопроса.

– Моя заинтересованность тобой давно не секрет для окружающих, если ты об этом, – непринужденно пожал Тюссан плечами. – И я абсолютно против того, чтобы у тебя был еще кто-то.

– А у тебя?

– Пока ты со мной, еще партнеров заводить я не намерен.

– Черт! – покачала я головой, не сдержав все-таки нервного смеха.

– Что, София, недостаточно романтично? – Нет, Рожер, конечно, не читает мои мысли. Просто хорошо знает женщин. – Мы это вполне можем исправить, о главном-то договорились.

– Дело не в романтике даже! – Это все... не знаю... как-то по-другому должно быть! – Мы понятия не имеем, подойдем ли друг другу.

– Знаешь, я считаю, что не подойти друг другу могут только люди, которые не прилагают для этого достаточно усилий и избегают откровенности. Степень моей целеустремленности в чем бы то ни было вполне очевидна. Твоему характеру также свойственны прямолинейность и упорство. Физическое влечение взаимно, с моей стороны, я бы даже сказал, почти чрезмерно. Не вижу причин, по которым у нас может не получиться.

Ну и что тут возразишь? А нужны ли вообще возражения? Спросить, почему именно я? Ну а почему нет-то? Только потому, что прежде у меня почему-то ни с кем не срасталось надолго и по-настоящему, а потом я нарвалась на одного мудака, стану лишать себя шанса если уж не на счастье, то на нормальные человеческие отношения? Не дура ли буду после этого? Абсолютно любые отношения либо сохраняются, либо распадаются, и ни от какого исхода никто не застрахован. Да, мне не подошел бы формат любовников без обязательств, но ведь Рожер сразу предлагает намного больше. Слишком быстро? Не смейся, София, это ты немного притормаживаешь! Рожер – взрослый мужчина, не импульсивный мальчишка, и у него было полгода на то, чтобы проанализировать свое ко мне отношение. Чересчур по-деловому? А что, у него есть возможность здесь красиво ухаживать, водить меня по модным клубам и ресторанам, и дарить цветы и подарки? Нет дрожи в коленях, и голова от чувств не кружится? Ну так в прежних моих романах и кружилось, и тряслось, но вот только хоть раз это закончилось чем-то, кроме разочарования? Может, я уже просто достигла того возраста, когда мужчину стоит выбирать осмысленно, а не под давлением сиюминутной романтической блажи?

– София! – окликнул меня капитан. – Я все еще здесь и жду ответа!

– Я согласна попробовать!

– Я ведь не новый наряд, чтобы примерять меня! – внезапно рыкнул он, сверкнув гневным золотом своих глаз, и тут же смягчился, но напряжение из позы никуда не ушло. – Я настолько сомнительная кандидатура в бой-френды, что ты не готова принять отношения со мной сразу? Или есть кто-то другой на примете?

– У тебя было время на принятие решения. У меня – нет! – насупившись, уставилась на него.

Не может же он и в самом деле настолько переживать из-за моих колебаний?

– Точно! – Рожер рассмеялся и покачал головой, теперь полностью расслабляясь и даже как будто немного смущаясь. – Прости, об этом я как-то не подумал. Знаешь что? С моей стороны вообще было совершенно неправильно вчера пользоваться ситуацией с Компенсатором, и, пусть даже и не всерьез, принуждать тебя делать какой-то выбор.

Тюссан немного хмурился, будто досадуя на себя за непонятливость и резкость, и смотрел на наши вытянутые ноги, почти соприкасающиеся в тесном пространстве моей каюты. Вечное выражение самоуверенности на пару секунд исчезло с его лица. Вот таким он мне внезапно показался намного ближе, настолько, что захотелось коснуться складки между его бровями.

– Ага, тем более мой выбор ни на что не влиял, – ответила я, уже улыбаясь.

– Не влиял, – с легкостью подхватил Рожер мою улыбку и засиял собственной. – Не сейчас, так позже, но я бы дождал тебя, София.

– Почему это ты так уверен? – Атмосфера между нами становилась все легче и неприужденнее.

– Потому что я лучшее, что здесь можно заполучить, а ты достаточно умна, чтобы выбирать только лучшее! – Тюссан соскользнул на пол и, подхватив мои ноги в коленях, раздвинул их, оказываясь прямо передо мной.

На мгновение я ощутила внутренний протест от такого стремительного вторжения в личное пространство, но он быстро улетучился, развеянный общим нарастающим состоянием беззаботности. Положила ладони на его щеки, впервые изучая, каков этот мужчина наощупь и потерла большими пальцами по едва выступившей щетине.

– Вот над развитием твоей скромности нам стоит поработать, – усмехнулась, снова погружаясь в завораживающее изучение поразительной красоты его глаз.

– Нет уж, София. Скоро ты будешь обожать то, каким нескромным я могу быть, – Рожер провел носом от моей скулы до подбородка, и я сама откинула голову, желая больше прикосновений. Его губы скользнули по моему горлу, прижались к месту с зачавшим пульсом и вернулись к моему рту, втянув во властный, но совсем краткий поцелуй.

– Скоро, но не сегодня, звезда моя! – сказал Тюссан, отстраняясь и поднимаясь на ноги. – Ты так и не решила, какими будут наши планы на сегодняшний вечер, время вышло, и инициатива переходит ко мне.

– А вот про лимит во времени ничего не упоминалось! – несерьезно возмутилась я.

– Это было мелким шрифтом на последней странице! – Рожер подхватил меня из кресла, заставив удивленно охнуть, и понес в сторону кровати.

Я снова почувствовала, как мышцы вдоль позвоночника одеревенели от дискомфорта. Вот так просто? Сразу в постель?

– Максимальный! – приказал капитан, и моя односпальная койка быстро трансформировалась в ложе, едва ли не на половину отсека. – Я выбрал место и занятие. Ты выбираешь содержание, София. Большой экран!

Рожер непринужденно развалился на моей постели, пристраивая и меня спиной к своей груди, пока по стене напротив стремительно расползалась пленка экрана.

– Мы будем смотреть кино? – спросила немного ошарашенно.

– Разочаровал? – ехидно усмехнулся мужчина. – А ты уже небось предвкушала, как я наброшусь и начну одежду на тебе рвать?

– Что-то типа того, – ответила ему в тон.

– София, ты должна быть уже завтра в строю. Секс – это замечательно, но он потребует тех сил, что сейчас необходимы твоему организму для восстановления. Так что перенесем дикие скачки на попозже.

– А как же вариант номер два, он же допрос с пристрастием?

– Расскажешь сама, когда будешь готова, – беззаботно пожал капитан плечами.

Вот так просто? Ладно, я не собираюсь возражать против такого развития событий.

– Что хочешь посмотреть? – спросила, удобнее располагаясь на его груди и даже укладывая широкую ладонь Рожера себе на живот. С каждой минутой я ощущала себя рядом с ним все свободнее и комфортнее.

– Найди то, что хотела бы сама.

– Ты перед полетом курсы «как быть идеальным бой-френдом», случайно, не заканчивал? – прищурилась нарочито подозрительно.

– Нет, я просто такой идеальный сам по себе. К тому же все не без умысла. Считай, что я изучаю твои вкусы и тайные желания через твои любимые фильмы.

– Да уж. Этой фразой ты резко осложнил мне задачу по подбору сегодняшней культурной программы.

– Это не обсуждается! Прямо сейчас у меня нет никаких срочных дел, София, и значит, я иду с тобой!

Прошлой ночью я не слышала, когда ушел Рожер, потому что уснула на середине третьего фильма, какого-то ужасика, который выбрала, сжалившись, после того, как мой новый парень стоически и без единой жалобы или критического замечания отсмотрел со мной две мелодрамы подряд. И вот сейчас он стоял перед входом в тот самый печально достопамятный отсек хранения и настаивал на том, что пойдет со мной, потому как у него якобы не имеется дел поважнее. И, естественно, тут же первым делом включилась моя подозрительность.

– Не понимаю зачем? – Я пристально изучала непроницаемое выражение его лица. – Если ты говоришь, что сбой был абсолютной случайностью с вероятностью один на миллионы, то зачем опекать меня? Просто не хочешь говорить мне, что все не так просто? Это имеет отношение к технике тут в целом или лично ко мне?

– София, ты опять фантазируешь! Нет никакой опасности больше!

– Тогда почему ты здесь?

– Неужели я должен объяснять тебе?

– Было бы неплохо.

Рожер нахмурился и уголок его рта недовольно дернулся. Похоже, выводить его у меня неплохо получается. И где мы будем вскоре таким темпом?

– Звезда моя, позволь напомнить – со вчерашнего вечера ты моя подруга. Почему мне бы не хотеть проводить с тобой побольше времени?

– Слушай, Рожер, если ты это затеял из-за того, что думаешь, я начну теперь шарахаться от роботов и рыдать по ночам, то напрасно. Я не испугана и впадать в панику не собираюсь. Не надо меня опекать и все такое. Я полноценный член команды и в состоянии справляться со служебными обязанностями без всяких поблажек, связанных с личным отношением! Я...

– София, стоп! – оборвал меня Рожер твердо, но не грубо. – Что за чрезмерная потребность отстаивать свою независимость? Я разве на нее покушаюсь? Я здесь не потому, что считаю тебя слабачкой или истеричкой! Мы теперь пара, и это нормально – желать делать многие вещи вместе и помогать друг другу! Из-за инцидента ты отстала от графика, я намерен тебе помочь его наверстать, не загоняя себя. Мое желание участвовать в твоей жизни вне совместной постели – проблема для тебя?

Волна чистейшего стыда накрыла меня с головой. Почему я все время умудряюсь сделать неверные выводы и не удосуживаюсь выслушать, а сразу вываливаю свои нелепые предположения? Как так выходит, что все время как-то неверно оцениваю причины действий Тюссана, по умолчанию закладывая в них нечто отрицательное для себя, за что и приходится краснеть не первый раз?

– Я... Прости. Никакой проблемы, – промямлила, желая врезать себе на самом деле за это выражение горечи на лице Рожера. – Я даже рада. И вообще. Я не поблагодарила тебя за спасение.

– Ты и не должна, София.

– Должна, просто все как-то одно за другое...

– София, прекрати! – капитан открыл массивную дверь отсека, входя первым. – Давай-ка постараемся побыстрее закончить сегодня твою работу и найти свободному времени лучшее применение.

– Рожер, но ты ведь не биолог! – уже улыбаясь, сказала, догоняя его. – Чем ты сможешь...

– Я что, по-твоему, тупее дрона? – Проявление резких, раздраженных ноток в его голосе и гневный, прямо-таки сжигающий взгляд оказались для меня неожиданностью после всего проявленного терпения во время нашего спора, как и то, насколько молниеносно пропали все проявления его гнева. – Просто объясни мне, что нужно искать и на что обращать внимание, звезда моя. Думаю, это будет даже проще, чем задать параметры поиска этим машинкам. Верь в меня!

– Конечно, я верю, – кивнула я, оправляясь от краткого замешательства при виде этих мгновенных перемен. Может, мне вообще это померещилось?

Глава 7

– М-м-м-м, Роже-е-е-ер, – сонно протянула я в подушку, ощутив мягкие поцелуи-покусывания на задней стороне правой лодыжки, а вместе с ними и привычное ускорение пульса. Так, словно во мне с первого же его касания запускался хорошо отлаженный, не дающий никаких осечек механизм, идеально послушный воле капитана.

За те пять с небольшим месяцев, что мы провели как пара, мое тело привыкло исправно реагировать на него, четко улавливая его настроение и намерения сразу же, по дыханию и интенсивности прикосновений. Сейчас он точно хотел секса, что, в принципе, было почти всегда по утрам. У меня даже создалось впечатление, что у Рожера какой-то пунктик – не позволить мне покинуть постель неудовлетворенной. Естественно, любовником он оказался необыкновенно искусным, почти, черт возьми, совершенным, поэтому добиваться от моего тела состояния перманентной плотской сытости ему удавалось запросто.

Наш первый раз случился ровно через неделю после совместной кино-ночи и был, надо признаться, последствием моего очередного срыва в неоправданную подозрительность. Рожер после первого поцелуя-обещания не проявлял никакой настойчивости, не пытался не только продвинуться дальше, но и даже повторить. Я уже стала подумывать, что отпугнула его чем-то и капитан решил оставить все, как есть, по умолчанию аннулируя свое предложение быть парой, сводя все к чисто приятельскому общению и времяпрепровождению. Была ли я этим разочарована? Конечно да. Будто тебя поманили некоей чрезвычайно дорогостоящей и изысканной вкусоностью, от мыслей попробовать которую ты отказываешься, прекрасно осознавая, насколько это тебе не по средствам, а когда ты срываешься и готова платить любую цену, выясняется, что в процессе приготовления что-то пошло не так и наслаждение вкусом отменяется. Но при этом степень моей досады оказалась намного меньше, чем должна быть в принципе в такой ситуации.

Мы с Рожером всю ту неделю появлялись в общей столовой только вместе. Капитану вообще каким-то образом удавалось так распределять свое время, что во всех зонах общего пользования я оказывалась исключительно в его сопровождении. Никто не смотрел на нас странно или с нездоровым интересом, даже сказала бы, что с точностью до наоборот, и постепенно я совсем перестала приглядываться к тому, не бросает ли кто на нас косые взгляды, и присутствие рядом Тюссана превратилось в привычное. Но в тот день он где-то задержался и я отправилась на последний прием пищи самостоятельно. Получив свою порцию, оглянулась, выбирая, куда бы присесть, и тут заметила Атсуши Горо, главного робототехника в нашей смене, и решила уточнить, как продвигается дело с выяснением причин того сбоя, из-за которого чертов «Сталкер» едва не лишил меня жизни. Рожер говорил, что проводится углубленное исследование, несмотря на то, что первичная диагностика не выявила возможностей повторения, но для тысячапроцентной уверенности в мозгах взбесившейся машины все еще копались, как и в сегменте внутрикорабельной сети, ответственной за связь со всеми роботами.

– Что ты имеешь в виду? – Атсуши недоуменно расширил свои раскосые ярко-зеленые глаза, чрезвычайно экзотично смотревшиеся на его скуластом смуглом лице. – Никакого запроса на углубленное исследование «Сталкера» не поступало.

Его модификация носила немного пугающее название «Киборг», но на деле это означало лишь особую восприимчивость нервной системы, позволяющую подключаться к практически любому устройству без помощи каких-либо переходников и обрабатывать данные в прямом взаимодействии с электронным мозгом. Для меня, как для человека весьма далекого по своей специализации от технических тонкостей, это было чем-то вроде загадочной абракадабры, но не суть важно.

– Как это не поступало? – наверное, я выглядела той еще дурой, совершенно обалдевше плясая на него. Настолько, что мужчина явно занервничал и обеспокоенно заглянул мне в глаза.

– София? Я могу все проверить, если хочешь, но вряд ли я мог что-то упустить. При таких ситуациях в рамках процедуры ты должна была подать официальную жалобу капитану, а он дать распоряжение нашей команде заняться разбирательством.

Аппетит тут же пропал от ощущения какого-то предательства, тугим узлом начавшего скручиваться внутри.

– София, ты настаиваешь на проверке? – снова окликнул меня Атсуши.

– Нет, не нужно беспокоиться, – отмахнулась, изобразив, как могла, беспечную улыбку. – Я не подавала никакой официальной жалобы, и это, скорее всего, именно мой косяк.

Кое-как я запихнула в себя ужин, просто потому что выбрасывать продукт, на который были потрачены ценные биологические ресурсы «Ковчега», у меня рука не поднялась бы, и пошла к себе. Рожер объявился спустя какой-то час и, скорее всего, был уже в курсе моей беседы с робототехником, судя по пристальному, буквально сканирующему мое состояние взгляду. Он смотрел почти всегда так при встрече, будто проводя анализ и умственно высчитывая линию поведения со мной соответственно моему текущему настроению, и обычно мне даже льстило это его желание мгновенно подстраиваться, но не в тот момент. Неожиданно я ощутила себя кем-то вроде подопытного животного, окруженного чрезмерным вниманием умело манипулирующего моими реакциями экспериментатора.

– Привет, звезда моя! – непринужденно улыбнулся Тюссан, доводя бурлящее во мне раздражение до крайности.

– Никакого углубленного расследования по инциденту со «Сталкером» не проводится! – обвиняюще выпалила я вместо приветствия. Я сидела в кресле, уставившись в стену отсека перед собой, чтобы не встречаться с ним глазами. Потому что всегда, когда это случалось, я ловила себя на том, что начинаю просто завороченно пялиться в эту золотистую глубину, теряя четкость мыслей.

– Конечно же проводится, – он медленно подошел ко мне, игнорируя мой агрессивный тон, и легко опустил на корточки, избавляя от необходимости смотреть снизу вверх, но при этом и лишая возможности избегать прямого визуального контакта.

– Не нужно лгать, Рожер! – скрипнула зубами, стараясь сохранить прежнюю концентрацию. – Мне казалось, ты понял – именно вранье я абсолютно на дух не переношу!

– Был бы признателен, если бы ты конкретнее выразила суть своей претензии, учитывая, что мне себя совершенно не в чем упрекнуть! – нахмурился он, и уголки его рта чуть опустились, демонстрируя почти не скрываемое расстройство, и внутри опять закопошилось чувство вины. – Я ни разу не солгал тебе ни в личном, ни в профессиональных вопросах.

Как же он опять был достоверен! От этой неспособности отличить в нем реальное от искусной симуляции у меня внутри все вскипело и забушевало.

– Ерунда! Ты убеждал меня, что разбирательство идет, но я говорила сегодня с Атсуши Горо, и он понятия не имеет о нем! Ты не давал никакого распоряжения начать его! – Очень-очень-очень хотелось говорить спокойно и сдержанно, как и подобает взрослым людям, но я все равно сорвалась на повышенный тон. Ну не умею я притвориться, даже когда более чем необходимо! Абсолютно жалко безнадежна в любом притворстве или хотя бы актерской игре!

– Все верно, София, – и не подумал отрицать мое обвинение Рожер, и я не смогла удержаться от возмущенного фырканья.

– То есть ты признаешь, что солгал мне? Знаешь, я все, безусловно, понимаю: твое желание замять как можно быстрее происшествие и не предавать его огласке, учитывая, что психологическое равновесие всех членов экипажа для тебя как для капитана превыше всего...

– София! – попытался прервать меня Тюссан, но я выставила руку, затыкая его жестом.

– И я, черт возьми, согласилась бы с тем, что в интересах всеобщего спокойствия мне нужно было бы просто забыть о нападении и удовольствоваться твоими заверениями, что такое не повторится, и не поднимать волну. Но в таком случае было бы порядочнее прямо поговорить со мной об этом, а не врать, делая из меня какое-то посмешище!

Рожер прикрыл глаза и чуть откинул голову, и я заметила, как дернулся его кадык, а когда он снова посмотрел на меня, в золотистых глазах было настолько через край печали, что я прикусила язык, проглатывая остальные приготовленные обвинения, одно хуже другого.

– Скажи, София, у меня, что, вообще нет шансов заполучить кредит твоего доверия, и мне всегда, в абсолютно любой ситуации придется убеждать тебя, что мои действия, связанные с тобой, не несут угрозы или лжи? – с более чем отчетливой горечью произнес он.

– Что, прости?

– Я действительно не давал распоряжения Горо начать исследования. Неужели ты думаешь, что я поручил бы это кому-то, вместо того чтобы сделать все самому в случае, когда это касается тебя? Всю эту неделю я потратил каждую свободную минуту, разбирая едва ли не на молекулы каждый узел этого «Сталкера».

– Но... но ты же не робототехник. – Вот прям в тему замечание, София! Ну почему, почему с такой завидной регулярностью рядом с этим мужчиной умудряюсь оказаться краснеющей и задыхающейся от стыда за свой длинный язык, а главное, за априори оскорбительный для него полет фантазии?

– Не нужно хоть в чем-то недооценивать меня! – рявкнул Рожер, вскакивая. – Я никогда не стал бы капитаном этого гребаного корабля, София, если бы мной невозможно было эффективно заткнуть любую пробойну в личном составе! Как, по-твоему, я могу отвечать за все здесь, если не знаю каждый аспект жизни корабля на уровне хотя бы чуть более высоком для дилетанта!

Я уже не просто сгорала от стыда, а просто полыхала столбом белого пламени, желая съежиться и спрятаться в темном углу от собственной дурости и импульсивности. Слов для оправдания или защиты не находилось, язык будто намертво приварило на месте интенсивностью чувства вины и эпической несуразности.

– София, есть ли у тебя и меня шанс стать «нами», если тебе настолько тяжело дается этот процесс? – Гнев, только что звеневший в голосе Тюссана, снова трансформировался в печаль. – Я начинаю думать, что не будь я чертовым капитаном Ковчега, ты бы не удосужилась расщедриться даже на эти, как выясняется, мало результативные усилия!

Что? Да кем он меня считает, в конце концов?! И тут пришел ответ. Именно той, кого ты ему демонстрируешь с завидной регулярностью! Сучкой, все время пристально наблюдающей за каждым его вдохом и движением в ожидании, когда же возникнет хоть намек на ошибку, чтобы моментально этим воспользоваться, обрушив все обвинения, которые только взбредут в голову. И нет, я такой никогда не была, но вот по какой-то причуде судьбы или психики внезапно стала.

– Ты ведь не можешь меня всерьез обвинять, что я какая-то приспособленка, готовая терпеть мужика-засранца, только потому что он долбанный капитан или не важно еще какая шишка! – умудряясь продолжать злиться, когда уже совершенно точно отдаешь себе отчет в том, что ты тут единственная, кто заслуживает гнева – та еще задачка. Я с ней не справлялась.

– Вот именно! Ты меня и привлекла тем, что была абсолютно не такой! – Рожер подошел к двери моего отсека, собираясь, очевидно, его покинуть и закрыть тем самым страницу наших неуклюжих отношений. – Но, вероятно, это как раз я не такой, какой хоть когда-нибудь может стать тебе нужен!

Что-то примитивно-интуитивное прошептало в глубине сознания: «Пусть идет!» Но оно не было мною, Софией, а лишь какой-то всегда заслуженно игнорируемой частью, и поэтому я поднялась и прижалась к Рожеру со спины, обвивая мощный торс руками.

– Извини. Снова. Опять. В который раз, – искренне попросила я, понимая, что если он сейчас выйдет в дверь, я упущу, возможно, лучший шанс в своей жизни. – Хочу, чтобы ты остался.

– Я хочу намного больше, чем просто остаться! – голос капитана стал требовательным и предостерегающим сразу, без всяких плавных переходов.

Схватив его за руку, сама потащила Рожера к постели.

– Ну так, черт возьми, прекрати оставаться просто так!

– Это «м-м-м-м» – отстань и дай мне еще поспать или «м-м-м-м» – не вздумай остановиться? – защекотал мою кожу дыханием Рожер, добираясь почти до ягодиц, продолжая прикусывать и облизывать по пути.

– Как будто ты и сам не знаешь! – фыркнула я и охнула, когда он внезапно накрыл меня своим телом, давая лишь на пару секунд ощутить весь его вес. Совсем недолго, даже дыханию не помешало, но этого всегда хватало для того, чтобы осознать, насколько же он больше и сильнее. Мне очень нравилось чувствовать себя маленькой и слабой при таком сравнении – это дразнило и пробуждало самую глубинную часть моей женской натуры, но при этом все равно где-то далеко и фоном мелькала мысль о собственной уязвимости и неспособности противостоять хоть что-то его силе и размерам. Я даже сердилась на себя за это, ведь чем Рожер мог мне угрожать? Что за чушь? Худшее, что в принципе могло произойти между нами, это расставание. Причем вполне себе спокойное, учитывая, что мы оба взрослые цивилизованные люди, склонные к обсуждению и анализу любой ситуации, а не к взрывным эмоциям.

– Мне недостаточно знать, звезда моя. Мужчины любят слышать, как их желают, причем постоянно, – пробормотал капитан, зарываясь носом в короткие волосы на моем затылке и настойчиво потираясь бедрами, чтобы позволить своей напряженной плоти без всякой помощи проскользнуть в меня. – Почему тебе не отпустить волосы, София? Мне бы это понравилось.

– Самое время об этом поговорить! – выдохнула сдавлено, справляясь с легкой болезненностью его первого проникновения.

Прошлой ночью, да и вообще несколько последних суток Рожер был ненасытен, и чем ближе был срок моей следующей фазы стазиса, тем настойчивей и даже немного агрессивней в постели он становился. Я не собиралась на это жаловаться, но, кажется, мое тело готово было это сделать за меня.

– Тебе больно? – обеспокоенно спросил Рожер.

– Есть немного. Некоторые части моего тела немного не согласны с размерами твоих appetитов, хотя не против других размеров, – рассмеялась я и толкнула свою задницу навстречу его паху, настаивая на продолжении начатого действия. – Но я это как-нибудь переживу.

– Прости, – Рожер стал исцеловывать мои шею и плечи, двигая бедрами мучительно медленно, плавно скользя, а не настойчиво вторгаясь. – Я немного теряю контроль, понимая, что лишусь тебя на полгода. Но, между прочим, всего пять минут в Компенсаторе избавили бы тебя от последствий моей неводержанности.

– Меня все устраивает как есть! – огрызнулась грубовато даже для собственного слуха. – И ты мог бы предупредить, что хочешь просто поболтать, а не заняться сексом!

– София! – Мое имя, произнесенное с укором и легким раздражением, всегда было единственным ответом Тюссана на мое пресечение попыток говорить на определенные темы. На этом все и заканчивалось обычно, впрочем, как и сейчас.

Он стал врезаться в меня резче, все наращивая темп, даже подумалось, что жестче обычного, будто хотел наказать, но эта мысль быстро растворилась в водовороте стремительно нахлынувшей разрядки.

– Процесс пробуждения первой десятки смены номер два начнется через десять минут! – мягким бесполом голосом произнесла система общекорабельного оповещения. – Всем желающим помочь проснувшимся со скорейшей концентрацией и ориентацией просьба прибыть к отсеку гибернации.

Я поднялась с еще не высохшей от пота груди Рожера и стала перебираться через него, чтобы пройти очистку.

– Куда-то торопишься, звезда моя?

Кабина очистки была отделена от самой моей каюты всего лишь силовым полем, сдерживающим мельчайшие капли специального водного раствора, бьющие сразу во всех направлениях, удаляя все загрязнения, и поэтому Рожер мог без проблем наблюдать за мной, как и я любоваться его красивым телом, расслабленно раскинувшись на моей постели.

– Арни в первой десятке. Хочу помочь ему с пробуждением, как ты мне помог. Кстати, прости, что до сих пор не удосужилась поблагодарить за это. Слушать твой голос и ощущать рядом чертовски облегчало состояние.

Бесшумная сушка заняла около пары минут, но глаза мне закрыть пришлось, сильный поток сухого подогретого воздуха раздражал слизистую. Шагнув из кабины, увидела, что капитан уже сидит, и в его позе и взгляде читалось напряжение и, я бы сказала, недовольство.

– Я уже говорил, что ты не должна меня ни за что благодарить. По крайней мере, пока я не совершил ничего заслуживающего твоей благодарности. Тем более если речь идет о моем присутствии в отсеке гибернации тогда. Оно было с умыслом, и поэтому я не рекомендовал бы тебе идти и встречать Штерна. Ты можешь увидаться с ним чуть позже, когда он совсем оклемается.

– С умыслом? – с наигранным удивлением подняла я брови. – Это была одна из стадий твоего обольщения?

– Здесь нет абсолютно ничего смешного, София, – совсем не поддержал мой шуточный тон Рожер. – Тебе прекрасно известно, что стимуляторы, которые вводят в процессе пробуждения, вызывают определенные реакции в организме.

– Ты имеешь в виду сильное сексуальное возбуждение в первые сутки? – О да, это было то еще веселье, надо сказать. Пару часов вообще казалось, что по венам пустили чистейшее возбуждение вместо крови. Хорошо хоть я была готова к такой реакции собственного организма и достаточно долго возвращала подвижность и способность связно разговаривать. А то наслушался бы от меня тогда капитан...

– Именно, – нахмурился Тюссан.

– Так ты пришел тогда в зал гибернации в надежде, что я на тебя с домогательствами накинусь, или чтобы на кого-то другого не позарилась?

– София, не своди все к примитиву, – огрызнулся он, отправляясь на очистку. – Но, в общем, направление мысли у тебя верное.

– То есть ты думаешь, что Арни захочет со мной переспать, а я такая слабая на передок и возьму и не устою?

– Так совсем не думаю, звезда моя, прекрати. Тут вопрос скорее уж внутрикорабельной негласной политики, – капитан выглядел немного озадаченным и смущенным.

– В смысле?

– София, ты мало общаешься с другими членами команды в принципе. – Ну да, вообще-то, кое-кто не оставляет мне на это времени абсолютно. – Сплетнями и слухами не интересуешься и поэтому не в курсе, что появился вроде как негласный обычай, что встречать пробуждающихся приходят именно те, кто рассчитывает на секс с кем-то из них. Я знаю, что кое-кто

даже договорился об этом заранее во время пересменки. Другие – просто надеясь на везение и несколько горячих часов перед собственной фазой сна.

– И ты закрываешь глаза на это? – Очнись, София, вообще-то Рожер сам в этом непосредственно участвовал, учитывая его присутствие у твоей капсулы в нужный момент. – Просто это как-то... не слишком этично, что ли. Ведь все-таки пробудившиеся находятся под действием препаратов и в какой-то степени не совсем отдают себе отчет в своих действиях.

– Я не могу вмешиваться в подобные аспекты, София! – Рожер раздраженно хлопнул ладонью по аппарату обмундирования, давая опознать себя, чтобы выдать белоснежный плоский кругляш со скаф-пленкой и, схватив его, прижал к груди, позволяя расползтись по всему телу, пока я еще крутила свой зеленый в руках. – Все тут взрослые люди и делают все добровольно, никто никого не принуждает. Мне ли тебе объяснять, что излишнее сексуальное напряжение может вылиться в агрессию. Особенно у Естественных!

Он был, конечно, прав, но все равно мог бы последнего и не произносить вслух. Стало неприятно, будто он нарочно ткнул меня носом в различие между нами. Совершенство Модификатов против недостатков Естественных. Видимо, почуяв изменение моего настроения, Рожер шагнул ближе, пытаясь перехватить мой взгляд, но я отвернулась, торопливо прижав к коже форменный диск и создав таким образом хоть и иллюзорную, но дополнительную преграду между нами.

– София, прости, я проявил бестактность, – тут же поспешно оправдался капитан.

– Нет, все верно сказал, – отмахнулась я. – Но я все равно схожу в отсек гибернации. Если увижу, что у Арни есть специфические встречающие, просто уйду. Или это нанесет ущерб имиджу наших отношений?

Язвить не хотелось, но как-то само собой вышло.

– Меня гораздо больше волнует, что я сейчас, кажется, нанес ущерб нашим отношениям, – раздраженно буркнул Рожер. – Надеюсь только, что ты понимаешь, что это не нарочно.

– Конечно понимаю. – В самом деле, не собираюсь же я раздуть из мухи слона, тем более, когда нам осталось всего несколько дней до достаточно длительной паузы. Это как минимум не умно с моей стороны.

Арни никто не встречал, в отличие от всех остальных девяти пробужденных. Около двух часов я провела возле его капсулы, разминая пальцы и ведя одностороннюю беседу с парнем, пока он не стал сначала немного невнятно отвечать и потихоньку шевелиться. Прекрасно представляла теперь все его ощущения и была действительно рада облегчить неприятный момент. Рассказывать о происшествии со «Сталкером» пока не стала, не уверена, что это вообще стоит делать. На других встречающих старалась не обращать внимания, как и задумываться об их причинах тут находиться. Тюссан прав: все в команде взрослые сформировавшиеся люди, чья психологическая устойчивость прошла неоднократную проверку, так что не мне судить об их поступках. Вот я же не кинулась на Рожера, чтобы немедленно поиметь, несмотря на действие стимуляторов, не настолько уж они разом застилали. А если у кого есть желание вести себя именно так, то это их суверенное право.

Капитан появился, когда я провожала Арни к его личному отсеку и парень мне вдохновенно и торопливо рассказывал о новом усовершенствовании в его любимой «Лингво», которое он планировал полностью довести до ума в эту фазу бодрствования.

– Я подумал, почему бы каждый экземпляр не привязать к ДНК носителя и не попытаться внедрить способность к самовосстановлению при частичном повреждении, – частил он, явно наслаждаясь звуком своего голоса и возможностью свободно говорить, и я его прекрасно понимала. – Представь, что моя малышка будет отращать обратно по какой-то причине утраченные нейросвязи без малейшего вмешательства техников. Ведь это может оказаться так полезно в рейдах, если возникнут непредвиденные ситуации и доступа к немедленному ремонту не будет.

Я, улыбаясь, покачала головой. Этого фантазера ничем не исправить, и мне это очень нравилось. В конце концов, именно благодаря таким вот упорным мечтателям наука частенько совершала неожиданные прорывы. В моего отца тоже никто поначалу не верил. Хотя это не слишком удачный пример...

– Знаешь, Арни, я бы вот неуютно чувствовала себя с такой штукой в голове, – возразила по обыкновению. – Мало ли что ей взбредет отрастить у меня в мозгу!

– Софи-и-и! – укоризненно протянул парень и обнял меня за плечи, слегка столкнув наши головы. – Как же я скучал по препирательствам с тобой и этой твоей дурацкой технофобии!

Сильные руки обвили мою талию, не грубо, но настойчиво отстраняя от Арни, и, даже не оборачиваясь, я знала, что это Рожер.

– Как самочувствие, господин Штерн? – бодро спросил капитан и быстро, но, я бы сказала, слишком уж интимно поцеловал меня в шею. – Надеюсь, все прекрасно и Вы готовы приступить к работе?

Хорошее настроение Арни мгновенно испарилось, и пару секунд он смотрел на нас шокированно, а потом его лицо исказилось от гнева.

– Со мной все великолепно, капитан, – едва ли не выплюнул он и гневно уставился мне в глаза: – Знаешь, Софи, я думал, ты умнее. Спасибо, что проводила!

Порывисто развернувшись, он зашагал дальше сам.

– Я предупреждал тебя, как может быть воспринято твое присутствие на процедуре встречи, звезда моя, – сказал Рожер, прежде чем я отошла от неожиданной грубости друга и успела заметить Тюссану, что не стоило, возможно, вот так тыкать в глаза факт нашей близости. – Зато теперь никакой двусмысленности.

Родившиеся возражения быстро осели. Пожалуй, он прав. Я воспринимала Арни только как друга, считала, что именно так и он видит наши отношения. Видимо, ошибалась, а значит, и правда лучше сразу расставить все по местам.

– Ладно, наверное, мне, и правда стоило пообщаться с ним чуть позже. Надо было тебя послушать, – вздохнув, признала я.

– Тебе вообще стоит меня всегда и во всем слушать, – рассмеялся Рожер, увлекая меня в сторону моей лаборатории. – Я ведь не только твой мужчина, но и твой капитан.

Глава 8

С Арни мне до стазиса так и не удалось пообщаться и внести хоть какую-то ясность в ситуацию между нами. Следующие сутки, пока шло пробуждение всей смены, он будто прятался от меня, что было совсем не трудно, учитывая размеры «Ковчега», а когда мы наконец столкнулись в столовой, на мое предложение поговорить он только фыркнул, косясь на сидевшего неподалеку Тюссана, и заявил, что слишком занят. Пришлось смириться с его нежеланием вести диалог и только надеяться, что какая-никакая дружба, возникшая между нами во время предполетной подготовки, не утрачена безвозвратно. Ну не бегать же мне за ним, в самом деле, упрасывая смириться и удостоить меня беседой! Я ничего предосудительного не совершила, виноватой себя было чувствовать не за что, но и обиженной себя считать не спешила. Успокоит же он когда-то свои нервы и возьмет эмоции под контроль. Хотя я заметила некую странность: практически все люди из другой смены казались несколько дергаными и скованными одновременно. Может, конечно, это вина пробуждающих стимуляторов, и я выглядела первые сутки-двое со стороны так же, но немного смущало то, что они словно избегали прямых взглядов в глаза и сторонились активного общения. Особенно наглядно это стало на общем собрании команды. Зал, в который мы пришли послушать уже ставшую традицией мотивирующую речь Тюссана, будто поделился на две части. Но если подумать, то все немного отвыкли друг от друга, и в ближайшее время так и останется, так что это нормальная реакция человека – держаться поближе к «своим». Но зато на капитана все они смотрели с самым настоящим обожанием, и мне невольно вспомнилось его изначальное шуточное наречение себя местным богоподобным правителем. Конечно, и в нашей смене все с искренним восторгом аплодировали Рожеру и не сводили с него глаз, но все же возникало ощущение, что были более... живыми, что ли. Эх, София, мнительность в тебе неистребима! Я была, пожалуй, единственным человеком в зале, кто больше пялился на окружающих, а не глядел буквально в рот капитану, вот мне и чудится черте что.

В этот раз погружение в сон произошло для меня совершенно беспроблемно, и к ощущениям во время выхода из него я была гораздо лучше подготовлена. Поэтому создалось впечатление: вот только что я улыбнулась последний раз Рожеру и закрыла глаза, соскальзывая в невесомое состояние, и буквально уже в следующую минуту снова стала слышать его голос, говорящий о том, что он жутко по мне скучал. В голове с трудом укладывалось, что между первым и вторым прошло шесть месяцев. Как ни странно, «особых» встречающих ни у кого из моей десятки не обнаружилось. Или их не было вовсе, или они еще не пришли, учитывая, что Рожер унес меня из отсека гibernации, едва док Питерс тщательно просканировал с ног до головы и дал отмашку, что пробуждение уже почти полностью завершено и никаких сюрпризов не ожидается. А чуть позже я смогла оценить преимущества возможности никак не сдерживать себя, когда в теле бурлят разгоняющие все функции стимуляторы. Оказалось, это дико приятно просто отпустить себя, потакая одному из основных инстинктов, заодно убеждаясь, что моего возвращения в активное состояние Рожер ждал с нетерпением.

– Смотрю, процедура твоего пробуждения была весьма насыщенной! – хохотнул Олег Тишин, уставившись на мою шею, когда я пришла на следующий день в лабораторию принимать у него вахту.

Я не смотрелась в зеркало перед выходом, но припомнив, какие следы остались на внутренней стороне моих бедер и груди, могла представить, как выгляжу. Капитан вел себя в постели так, словно хотел поглотить меня, а я была не в том настроении, чтобы настаивать на большей мягкости. Хотя сейчас уже ощущала нечто вроде похмелья, немного смущенная тем, что мы толком-то и поговорить не удосужились, а только будто стремились затрахать друг друга до бесчувствия. Было в этом что-то слишком уж животное.

– Были случаи загрязнений? Вспышки? Есть что-то, на что мне следует обратить особое внимание? – спросила сменщика, ответив на его замечание только сдержанной улыбкой и усаживаясь в кресло, чтобы изучить наш лабораторный журнал.

– Нет, Софи, слава космосу, ничего! – Олег явно был доволен. – Ни вспышек, ни малейших следов загрязнений. Прямо даже скучно. Начинаю думать, что наше с тобой бодрствование во время полета – такая же чистой воды формальность, как и было у лингвистов.

– В смысле – было? – непонимающе обернулась я на коллегу.

– Еще не в курсе? – удивился он. – Ты же вроде как дружила со Штерном?

– Вроде как.

– Не слышала, что у него случился срыв? – Я ошарашенно покачала головой. – О, это было то еще веселье! Сначала он напал на капитана... ну как напал – попытался.

– Почему? – спросила, враз осипнув.

– Да кто же его знает, Софи? – до странности безразлично пожал плечами Тишин. – Орал что-то невразумительное, глаза бешеные. Его почти скрутили, но он вырвался и убежал. Несколько часов по кораблю его ловили совершенно невменяемого, а потом вообще парень попытался с собой покончить. Сбросился с верхней платформы в грузовом отсеке, когда не вышло шлюз открыть и удушить себя без воздуха. Хорошо, быстро доставили его до Компенсатора всего поломанного, а после капитан с доком приняли решение погрузить его в стазис и уже не пробуждать до Нью Хоуп.

Я прикусила губу, представляя, какую боль пришлось перенести бедному Арни. В голове не укладывалось, как у него, всегда такого жизнерадостного, легкого в общении, открытого и позитивного для всех, мог пойти такой резкий перекосяк в психике. Но ведь это космос, и я сама была свидетельницей неприятной перемены в нем. Просто сочла ее сиюминутной блажью, а не серьезным симптомом. Хреновый ты друг, Софи, и еще более хреновый психолог! И Рожер даже словом о нем не обмолвился! А ведь вполне возможно, что в его срыве была часть и моей вины.

– Думаю, все дело в том, что до Штерна дошло наконец, что лингвисты на «Ковчеге» – просто балласт, который нам навязали из-за давления общественного мнения, все еще балующего себя идиотскими надеждами на встречу с иным разумом. Когда уже до них дойдет, насколько их фантазии утопичны? – насмешливо фыркнул Олег, захлопывая ящик с личными вещами.

– Этого ты точно не можешь знать, – огрызнулась я, неожиданно сильно разозленная его циничным отношением к несчастью, произошедшему с Арни. – И я не могу. Никто не может!

– Да ладно, Софи, не заводись и не расстраивайся! Все со Штерном будет нормально. Ну поспит до планеты, на месте, может, полегчает. Нет, так обратно полетит в стазисе, и на Земле-то ему точно мозги на место вправят, – в голосе сменщика по-прежнему не было ни единой нотки сочувствия, и он сразу перешел к делам: – Ты лучше обрати внимание на мои заметки о пищевых кластерах двести тридцать два и пятьсот один. Все показатели в пределах нормы, уже сто раз проверял, но почему-то они упорно отстают по времени вызревания готовой массы. Если так и продолжится, то тебе придется их простерилизовать и заново обсеменить.

Я кивала, делая мысленные пометки, но отстраненно. Произошедшее с Арни никак не шло из головы, и чувство вины, что не проявила больше упорства и не поговорила с ним по душам, все разрасталось.

Рожер пришел очень поздно, глубокой ночью по внутрикорабельному времени, и, пока дожидалась его, у меня появилось подозрение, что он нарочно задерживается, в надежде, что я усну и разговора об Арни удастся избежать по горячим следам, так сказать. А утро вечера мудренее, эмоции чуть поутихнут, и все пройдет полегче. Но, если честно, я и не собиралась выяснять у Рожера, почему он промолчал об инциденте. Почему-то мне казалось, что я дословно знала, что он приведет в качестве аргументов в свою защиту. Ладно, это некоторое преувели-

чение, и он капитан этого корабля, а не только мой любовник, и его право решать, что мне озвучивать, а что можно временно придержать. Потерла виски, пытаюсь отогнать мысли о том, что этот аспект конфликтов или тесного сплетения личного и профессионального всегда будет присутствовать в наших отношениях, и, по здравому размышлению, именно он однажды может стать причиной их завершения.

– Не спишь, – констатировал факт капитан, когда на удивление тихо проскользнул в мой отсек, и тут же поставил в известность: – Напрасно. Я не буду сейчас говорить о ситуации со Штерном, София.

– А когда? – Я рассмотрела признаки усталости на его лице, и мое желание проявить упрямство в этом вопросе пропало. Дни пересменки отнюдь не легкие для Тюссана, учитывая его чрезвычайную дотошность и, как мне иногда кажется, чрезмерное стремление все и везде контролировать. Но не мне об этом судить. Он капитан и в ответе за каждую оплошность, допущенную любым членом экипажа.

– Когда твой гормональный фон придет в норму, а значит, и эмоции будут стабильны, – избавившись от скаф-пленки, Рожер зашел в кабину очистки и удовлетворенно выдохнул, подставляясь под распылители.

– На самом деле, я хотела только узнать, что говорил тебе Арни, когда напал. Он как-то объяснил причину агрессии? – Я смотрела на поблескивающее от жидкости тело своего любовника не отрываясь, привычно отмечая, насколько же он физически совершенное создание, но желания не ощущала. Очевидно, Рожер прав, после вчерашнего чувственного подъема пришел вполне закономерный спад, и мое либидо сегодня было весьма близко к нулевому показателю.

– Объяснил? – хмыкнул капитан, поднимая руки и закрывая глаза во время сушки. – Извини за грубость, но Штерн абсолютно съехал с катушек в тот момент и был не в состоянии общаться хоть сколько-то адекватно.

– Странно, – пробормотала, всматриваясь внимательней в выражение лица Рожера, но оно оставалось непроницаемым. – Если он выбрал именно тебя в качестве объекта своей агрессии, значит, имел какие-то четкие и весьма веские причины, ну или хотя бы думал, что имел. И обычно люди в таком состоянии их озвучивают. Пусть не всегда понятно для окружающих, но достаточно внятно для последующего анализа, а учитывая общительность Арни, он должен был хоть кому-то...

– Софи! – внезапно рявкнул Тюссан, и я подпрыгнула на кровати. – Я запрещаю тебе озадачиваться разбором происшествий со Штерном!

– Прости? – прищурилась, мгновенно напрягаясь.

– Что-то непонятно? Как твой капитан доношу до твоего сведения, что ничто из случившегося с этим членом экипажа не касается тебя, не пересекается с твоими должностными обязанностями, а значит, отвлекаться размышлениями и изысканиями на эту тему в служебное время ты не имеешь права. А как твой мужчина я не хочу, чтобы ты забивала себе голову чужим психическим срывом, выискивала признаки своей вины и недосмотра и, следовательно, наносила тяжкий вред собственному эмоциональному равновесию.

– Я не... – попыталась возразить, но в этот раз Тюссан слушать меня терпеливо явно не собирался.

– Не что, София? – его голос гремел грозным «капитанским» звучанием, действительно напоминая мне, что у него есть власть приказывать, и он ею умеет пользоваться, невзирая на то, что нас связывает. – Не сидела тут все это время, ковыряясь в себе и размышляя, где недосмотрела?

– Это так, – и не думая соврать, подтвердила. – И признаю, что ты имеешь полное право указывать мне на недопустимость потери концентрации в рабочие часы. Но с личным временем и диктатом, о чем мне думать, а о чем нет, уже перебор, Рожер! Ты переходишь границы!

Внезапно Тюссан как-то почти по-звериному прыгнул ко мне, толкая в грудь, опрокидывая на спину и вырывая шокированный вскрик. Он навис надо мной: мышцы вздутыми буграми, на лбу ближе к виску вспухла вена, рот искривлен в некоем подобии оскала, а зрачки расширились, почти пожрав золотистую радужку.

– Никаких, мать их, границ между нами! – прогрохотал он мне в лицо, пугая на мгновение по-настоящему, прямо до ступора.

– Да ты совсем... – задохнулась от гнева, едва справившись со страхом, но слушать меня никто не собирался. Попытка извернуться и выскользнуть из-под тела капитана была тут же пресечена. Он придавил меня к постели собой и захватил запястья, надежно фиксируя на месте. Прижав губы к моей скуле, Рожер потерся ласково и чувственно, будто и не орал секунду назад и не удерживал меня под собой насильно.

– Меня достало, что ты постоянно ограничиваешь список тем, на которые мы можем свободно общаться, София! – От контраста его неожиданно воркующего тона и смысла слов я совершенно растерялась, и накрывшая после первого испуга злость стала откатываться в обратную сторону. – Это отныне неприемлемо! И я этого больше не собираюсь терпеть ни как твой командир, ни как твой мужчина.

Волна холодных мурашек прокатилась по телу от того, как это прозвучало. Очень захотелось, чтобы он встал с меня и ушел, но почему-то пришло на ум, что, если так случится, меня ждут неприятности. Причем не из разряда страдашек о разбитом сердце.

– Какое, черт возьми, это имеет отношение к ситуации с Арнольдом? – запихивая поглубже все эмоции, я расслабила тело и послушно откинула голову, позволяя Рожеру целовать мою шею.

– Напрямую – никакого, но одно проистекает из другого, дорогая, – уже совсем спокойно проворчал он у моей кожи. – Твои мысли, не важно, о прошлом или о происходящем сейчас, воспоминания, знания, о которых ты умалчиваешь, составляют совершенно незнакомую и недоступную для меня часть тебя. У меня было достаточно времени чтобы осознать: такое положение вещей меня не устраивает. А значит, теперь так не будет.

– Почему мне кажется, что ты пытаешься напугать меня? – проглотив ком в горле, тихо спросила я.

– Быть полностью открытой передо мной так страшно, звезда моя? – Мягкие, теплые, но при этом посылающие волны холодной дрожи прикосновения прошли вдоль линии подбородка.

– А разве откровенность не должна быть добровольной? – прикрыла глаза, игнорируя странный коктейль ощущений.

Рожер сместился на бок, освобождая меня наконец, и я сразу села и отодвинулась, сопровождаемая его усмешкой.

– Учитывая произошедшее со Штерном, больше нет, – его тон снова без всякого перехода изменился с интимного на сухой и деловой.

– Объяснись!

– «Ковчег» – замкнутая система, София, бежать отсюда некуда, и распространение любых психозов абсолютно недопустимо.

– Ты что же думаешь, что я тоже могу потерять над собой контроль, как Арни? С какой стати? – от изумления даже не смогла сдержать насмешливого фырканья.

– Все Естественные теперь на особом контроле, хоть и негласном. Так что не принимай все на свой счет.

Даже если бы он с размаху ударил меня по голове, эффект не мог быть большим.

– Да как вы... – задохнулась от возмущения я. – Кто вам право дал?!

– Я. Здесь. Капитан! – припечатал каждое слово Тюссан, поднимаясь. – Мне не нужно ничье разрешение! Я не обязан ни перед кем отчитываться! И данная тема исчерпана!

Я молчала, ошеломленно глядя на него, внезапно осознавая, что он разительно изменился с того момента, как мы общались последний раз. Нет, не внешне, конечно, но, однако же, мужчина, на отношения с которым я отважилась, кажется, исчез бесследно. Теперь его цепкий, въедливый взгляд больше не виделся изучением, чутким улавливанием моего состояния, ради того, чтобы под него подстроиться, а ощущался скорее уж скальпелем, примеряющимся, как бы вскрыть меня максимально быстро и эффективно.

– София, тебе придется смириться с тем, что недомолвки и умалчивание о чем-либо с этих пор невозможны между нами. – Нет, он и не думал смягчиться и начать уговаривать. Просто продолжал озвучивать новое положение вещей. – Ты моя девушка, и случись срыв у тебя, моему имиджу руководителя, полностью контролирующего все на «Ковчеге», будет нанесен непоправимый ущерб.

– У меня не будет никакого срыва. – Я отошла к противоположной стене и прислонилась спиной, стараясь сохранить невозмутимое выражение лица, ибо поддаться эмоциям в таком споре станет главным аргументом против меня. – Если уверенности в моей способности верно оценивать свое психическое здоровье у тебя нет, то проблему безопасности твоего капитанского имиджа ты можешь с легкостью решить, расставшись со мной прямо сейчас. И я даже настаиваю на этом. Тебе лучше уйти.

Рожер спокойно прошествовал через отсек к аппарату обмундирования и вскоре облачился в свой белоснежный костюм с эмблемой Ковчега на груди. Так же неторопливо он подошел ко мне и, наклонив голову, поцеловал в щеку.

– Мы не расстаемся, звезда моя, – с совершенно безмятежной улыбкой, заставившей волосы на моем затылке зашевелиться, заявил он. – Готовься поделиться со мной всеми своими тайнами.

Он направился к двери и обернулся, уже стоя снаружи.

– И да, не думай, что если запрет копать в деле Штерна был высказан мною наедине, то ты можешь не считать его прямым приказом. Никаких запросов или попыток выяснить что-либо в личных беседах. Иначе я приравняю это к посягательству на психологическую безопасность экипажа и вынужден буду тебя наказать, София. Немного успокоившись и подумав, ты поймешь, насколько я прав. Увидимся завтра, дорогая.

Глава 9

На несколько минут меня накрыла паника. Нет, совсем не из-за того, что позволила втянуть себя в отношения, способ выхода из которых был пока непонятен. Проблема казалась глобальнее моих личных трудностей. Изначально происходящее между мной и капитаном было построено, скорее, на логике и практичности, подпитываемых физической тягой. Теперь просто стало очевидно, что никакого флера романтики не существовало и со временем он не возник бы. Вот только я вдруг начала подозревать, что вовсе и не животное притяжение стало основной причиной для усилий капитана по сближению со мной. Что тогда? Вспомнив, к какой теме он настойчиво подводил меня раз за разом, поежилась. Понимания, чем знание о неприятных тайнах моей семьи может быть полезно Тюссану, не появилось, а сам процесс общения на эту тему представлялся мучительным. Но это все вообще мелочи, учитывая гигантскую проблему номер один в виде самого капитана и его странного поведения, которое просто нельзя уже списать на свойственное любому человеку сиюминутное раздражение. И с кем мне говорить об этом? И если я подниму эту тему, то чего намерена добиться? Обследования Тюссана? Очнись, Софи! Для подобного нужно, насколько помню корабельный устав, собрать всю команду или в нашем случае хотя бы бодрствующую смену на общее собрание и выдвинуть четкий «обоснуй» своего требования, проголосовать о временном отстранении, избрать исполняющего обязанности... Идея провальная уже с пункта номер два. Если потребовать общего собрания имеет право любой член экипажа, то с внятным обоснованием явный затык. Что у меня есть предъявить в качестве подтверждения психологической неустойчивости Рожера? Секундные вспышки, свидетелей у которых не было. На людях же он просто образец выдержки и невозмутимости. Как мои заявления будут выглядеть в глазах окружающих? Как собственные домыслы на пустом месте? Попытка опорочить его чисто из женских стервозных побуждений? Ну и кто из нас тогда будет выглядеть психически неустойчивым? И, положив руку на сердце, нужно признаться себе честно: даже если бы мои доводы оказались гораздо весомей, кто проголосовал бы против Тюссана? Да стоит ему только начать говорить, и все станут глядеть ему в рот как зачарованные, сама ведь сколько раз была свидетельницей этого эффекта. Черт возьми, такое чувство, что он владеет техникой зомбирования или массового гипноза. Звездный капитан улыбается, открывает рот – и все взгляды уже прикованы к нему, все внимание сосредоточенно на звуке его голоса, его словам внимают, ни на секунду не думая усомниться... Но это же чушь! Во-первых, никого с такими способностями просто не допустили бы и близко к «Ковчегу». Не важно, Естественный ты или Модификат, но закон для всех един. Все, кто был хотя бы заподозрен в способностях по воздействию на сознание, подвергались изоляции и принудительному «лечению», которое, по сути, представляло собой частичное разрушение мозга. Учитывая количество проверок и тестов, которые пришлось пройти Тюссану, просто невозможно себе представить, что он мог бы скрыть способности к манипулированию сознанием, тем более массовым. А во-вторых, никто из команды не выглядел действительно лишенным воли. Но что мне остается? Бездействовать в надежде, что хуже не станет? Но разве не такое поведение привело, пусть косвенно, к несчастью с Арни? Нет, пусть даже я и ошибаюсь и стану выглядеть для всех дура душой, но молчать нельзя. Соскочив с постели, подошла к двери. Внутрикорабельное время три пятнадцать. Последние дни были для медиков более чем насыщенными, но надеюсь, док Питерс простит мой поздний визит. Входной замок издал тихий щелчок в ответ на мою команду открыться, но дверь не шелохнулась. Я повторила приказ, но на этот раз никакой реакции техники не последовало вообще.

– Поверить не могу! – пробормотала, открывая панель механического управления запором. – Ну не посмел бы он, в самом деле...

Надпись «Полная блокировка. Время снятия 7:30», проявившаяся на поверхности передо мной, внесла ясность в вопросе, что посмел или не посмел бы капитан.

– Клэй! – позвала я, поднимая голову. – Неисправность дверного механизма! Сообщить техникам!

– Отклонено, – приятным голосом, от которого сейчас прям затошнило, ответила система внутреннего жизнеобеспечения. – Все находится в исправном и рабочем состоянии.

– Тогда открой дверь!

– Извините, София. Отклонено. Блокировка установлена членом команды с более высоким уровнем полномочий.

Ну не сволочь ли он после этого? Как же захотелось шарахнуть по преграде или швырнуть что-то в бесстыжие скрытые визоры и датчики долбаного Клэя. Ну да, учитывая обстоятельства, это будет более чем опрометчивая реакция. Поэтому дыши, Софи, дыши и бери себя в руки.

– Это капитан Тюссан ввел ограничение передвижения для меня? – спросила, напряженно следя за своим тоном.

– Извините, София. Нет ответа.

Какая же это все-таки издевка – вежливость в исполнении искусственного интеллекта. Он может спасти тебе жизнь или убивать и неизменно повторять свое «извините». Хотя вопрос мой, конечно, был бесполезным. Кто, кроме капитана, стал бы заморачиваться, запирая меня?

Хлопнула по запястью, активируя связь, но в ухе была полнейшая тишина. Коммуникатор не подавал никаких признаков жизни и после трех следующих попыток активации. Вот же гадство!

– Ладно. Вызови мне по внутренней связи доктора Питерса, Клэй! – приказала я. Личная беседа, безусловно, лучше, но запертая дверь даже плюс для меня. Это, по крайней мере, факт беспочвенного и неспровоцированного моим поведением ограничения свободы, который невозможно отрицать.

– Извините, София, отклонено! На данный момент связь с другими членами экипажа недоступна для вас!

Вот тут я не выдержала.

– Да как такое вообще возможно! – выкрикнула, сжав кулаки. – Это против всех правил! Ни при каких обстоятельствах никто на борту не должен оказаться без возможности связаться с остальными! Тем более с медблоком! Немедленно восстановить контакт!

Узкий зеленоватый луч сканера ударил мне в район сердца, стремительно дважды прошелся от макушки до пяток и вырубился.

– Отклонено! На данный момент не имеется никаких проблем в Вашем организме, требующих врачебного вмешательства, – безразлично сообщил кибернетический ублюдок, хотя не он, конечно, был тем, на кого мне следует злиться.

– Канал прямой связи с капитаном Тюссаном! – еле сдерживая тяжелое дыхание, процедила я.

– Отклонено!

– С командой техников!

– Отклонено! – Мне все больше казалось, что сухой безэмоциональный голос системы наполняется издевательскими нотками. – София, я регистрирую повышение температуры тела и учащение сердцебиения, говорящие о том, что Вы вводите себя в состояние стресса. Рекомендую немедленно лечь спать, дабы избежать истощения нервной системы и выбывания из строя. В случае отказа сделать это добровольно я буду вынужден впрыснуть в воздух препарат для принудительного глубокого успокоения.

Ни хрена себе новости! Интересно, это нововведение из-за инцидента со Штерном или милый сюрприз, встроенный изначально, о котором просто не сочли нужным сообщить нам,

рядовым обитателям личных отсеков? В любом случае препираться с машиной, которой глубоко плевать на все твои доводы, себе дороже.

Не раздеваясь, вытянулась на койке, и тут же свет погас, погружая меня в темноту и усиливая ощущение того, что я попала в ловушку, выхода из которой пока не видела. Спать не могла, потому что казалось, стоит закрыть глаза – и задохнусь, но лежала тихо и неподвижно, стараясь взять дыхание и пульс под контроль, чтобы и правда не спровоцировать впрыск газа. Часы до семи утра тянулись, казалось, бесконечно. Я постаралась отключить на время все тревожные мысли, но полностью это не удалось. Ощущение безопасности собственного личного пространства исчезло, и я ничего не могла поделать с тем, что настороженно вслушивалась в тишину, при этом прекрасно отдавая себе отчет, что не владела ситуаций, как бы она ни повернулась.

В семь тридцать дверь, однако, открылась с первого же прикосновения, и Клэй своим тошнотворно-приятным голосом пожелал мне удачного дня, на что так захотелось вслух послать его. На Тюссана я нарвалась прямо у своей лаборатории. Он с озабоченным видом вышагивал по коридору и выглядел так, словно, как и я, не спал этой ночью.

– София! – Он всмотрелся в мое лицо и нахмурился откровенно встревоженно, но я, игнорируя его, прошла внутрь. Естественно, капитан последовал за мной без приглашения. Ну да, он тут всему хозяин и начальник и ничьи «добро пожаловать» ему ни к чему.

– Ты плохо выглядишь, звезда моя. – В отсутствии наблюдательности Рожера не обвинишь. – Скажи, причина в моей излишней резкости вчера?

О, надо же, похоже, режим идеального заботливого бой-френда снова активирован!

– А если не скажу, то что сделаешь? – презрительно усмехнулась я, не отрывая глаз от экрана, демонстрирующего состояние дел в пищевых кластерах. – Опять запрешь как опасную преступницу и лишишь связи, чтобы никому на тебя не пожаловалась?

Сильные руки сжали плечи, и Рожер развернул меня к себе лицом так резко, что в шее хрустнули позвонки, а голова почти безвольно мотнулась.

– Какого черта ты несешь?! – рявкнул капитан, едва не оглушая и уж точно ошеломляя степенью исходящего от него гнева. – Я всю ночь ждал, что ты свяжешься со мной и позволишь вернуться!

На пару секунд я сбилась, пойманная в очередной раз достоверностью безукоризненно исполненных недоумения и негодования во взгляде, но тут же одернула себя. Я не поведусь на это снова! Ни за что!

– Чрезвычайно сложно, если уж не сказать, что невозможно, связаться с кем-либо, находясь в полной блокировке в наглухо замурованном личном отсеке, где не предусмотрен аварийный выход или нечто в этом духе, капитан! – заметила язвительно, стараясь вывернуться из захвата Тюссана. – Уберите руки!

– Что за чушь? – Рожер отпустил мои плечи и даже демонстративно развел руки, подчеркивая, что не удерживает меня. – Звезда моя, если это такой способ подчеркнуть, насколько мое поведение задело тебя...

– Ты запер меня! – выкрикнула я ему в лицо. – И ты прав – это охренеть как задевает меня! Ни у кого, даже у тебя как у чертова капитана, нет права запира́ть меня без каких-либо озвученных обвинений или совершенно без связи!

– Я не делал ничего такого!

– А я думаю, что сделал! Чтобы подчеркнуть, насколько далеко распространяется твоя власть! И, исходя из этого, считаю, что самое время поднять вопрос о твоей профпригодности, учитывая явно проявившуюся манию величия и деспотизм!

– Хватит! Не говори того, о чем можешь пожалеть! – рявкнул капитан и схватил меня за руку. – Идем!

– Куда? – Устраивать сцену в коридоре и начинать драться с Тюссаном, чтобы вырваться, было уже чересчур, и поэтому я последовала за ним.

– В твой отсек, – бросил через плечо мужчина и активировал коммуникатор: – Команду техников и кибернетиков в отсек два ноль девять! Сейчас же!

Вскоре я сидела в прозрачном кресле в собственной каюте, передо мной – двое техников, капитан и трое кибернетиков. Все они были Модификатами, и мне бы даже стоя пришлось задира́ть голову, чтобы смотреть им в глаза, а вот так, сидя, вообще ощущала себя зажатой в угол букашкой. Это чувство было еще более очевидно от того, что они занимали собой почти все пространство маленького отсека, давя энергетикой своего недовольства и раздражения. Однако я нашла в себе силы смотреть на них уверенно и говорить четко и не запинаясь, пересказывая свои ночные разногласия с системой внутреннего жизнеобеспечения.

– Это бред какой-то! – прервал меня Горо, который все больше шутил свои и без того раскосые глаза в процессе моего монолога. – В каютах нет никакой системы, позволяющей подавать газ, без разницы какого свойства!

– Да неужели?! – взвилась я.

– Не веришь мне – спроси у Виктора! – ткнул рукой Атсуши на стоящего рядом главного в нашей смене техника, и тот закивал, глядя на меня со смесью сожаления и раздражения.

– По-вашему, я вру? – На капитана, молчавшего до сих пор, я отказывалась смотреть. Боялась увидеть в его глазах торжество? Возможно.

– Не врешь, София, вероятно, просто заблуждаешься, – мягко возразил Виктор.

– Или устала, и тебе что-то показалось, – поддакнул ему Горо, и я едва не задохнулась от возмущения, но тут ладонь капитана уверенно легла на мое плечо.

– Я так не думаю, – отчеканил он над моей головой. – За здравомыслие Софии я ручаюсь. Начинайте проверку всей системы. Вмешательство было или сбой – вы обязаны это выяснить в любом случае. Жду полный отчет к вечеру.

Прекрасно, судя по выражениям лиц, число моих «поклонников» среди членов команды резко возросло. Поднявшись, я протиснулась сквозь живую стену и отправилась обратно в лабораторию, сопровождаемая молчаливым капитаном. Уже на подходе я не выдержала и обернулась.

– Сбой? Ты это серьезно? – спросила я, прямо глядя в его невозмутимое лицо. – Какова вероятность, что именно мне могло так «повезти» дважды подряд? Кто еще сталкивался с подобным за время полета?

– Никто, София, но от случайностей никто не застрахован, – ответил он, не отводя глаз. – Тебе не стоит усматривать в этом систему или чью-то злонамеренность. Тем более мою.

– А вот я в этом совсем не уверена.

– Считаешь, я враг тебе? Какой смысл мне желать навредить тебе? Даже если опустить то, что в моих личных интересах как раз добиваться, чтобы ты была цела, невредима и уравновешенна, то я еще и капитан, чья прямая обязанность следить за здоровьем и безопасностью каждого члена экипажа. Зачем мне причинять тебе физический ущерб или выбивать из колеи, запугивая?

– Больше ни с кем у меня нет на корабле разногласий, – возразила я уже не слишком уверенно, потому как, по здравому размышлению, и правда это выглядело как-то бессмысленно.

– У нас нет разногласий, звезда моя. Не соглашаться в чем-либо – нормально для пар. Да, я пытаюсь в чем-то давить на тебя, но ты же не можешь на полном серьезе считать, что зашел бы так далеко? – Рожер взял меня за руку и подтянул к себе, и я, пару секунд поупрямившись, все же привалилась к нему. – Мне нужно твое доверие, детка, а не страх. Если я слишком импульсивно и нетерпеливо себя повел, добиваясь этого, прости меня. Я дорожу тем, что между нами есть, София. Дорожу тобой. Ты ведь это понимаешь?

Он обнял меня и стал поглаживать по спине, даря ощущение безопасности и будто убаюкивая. И мне вдруг подумалось: что если я опять все себе надумала? Ну в самом деле, разве нет вероятности, что я потрясающе «везуча» и буквально притягиваю к себе всякие сбои техники и тут же усматриваю в них злобные происки капитана. Ну какой ему смысл развлекаться за мой счет подобным образом? Если бы я ему наскучила, просто расстался бы со мной по-тихому. Зачем настаивать на продолжении тяготящих отношений, раздражаться, демонстрировать себя не с самой уравновешенной стороны? Но что-то во мне протестовало. Пусть Рожер не хотел мне ничего дурного, и все вспышки его раздражения – это просто нормальное следствие моей собственной замкнутости и отстраненности, но было и еще что-то. Я могу понять, что мужчину с его характером и стремлением все контролировать и знать может бесить навязываемая мною дистанция, но все равно в случайности, преследующие именно меня, я не верю.

– Рожер, без обид, но сначала «Сталкер», теперь это... – Я отстранилась от него, сжимая переносицу и гадая, как бы все правильно сформулировать. – Короче, в версию случайного глюка системы я больше поверить не готова. Если дело не в тебе, то в ком-то другом. Именно в ком-то, а не в вывертах техники. Если ты упорно будешь придерживаться другой версии, мы никогда не придем к согласию.

– Должен ли я это воспринимать как некое условие с твоей стороны для того, чтобы мы могли быть вместе? – золотистые глаза предупреждающе прищурились. – Предлагаешь мне найти крайнего, не важно, существует он или нет?

– Я не это сказала! – возмутилась тому, что он опять все пытается перевернуть с ног на голову. – Ты требуешь от меня откровенности, я хочу того же в ответ!

– То есть ты считаешь, что я покрываю кого-то, кто хочет дурного тебе?

– Я бы не удивилась этому, учитывая, что прямая конфронтация в команде была бы катастрофична.

Капитан, продолжая пристально и тяжело смотреть на меня, отступил на пару шагов и, еще немного помедлив, развернулся и ушел, не сказав больше ни слова. Вдохнув, я вошла в лабораторию, задаваясь вопросом, не перешла ли все границы. Вдруг я не права по всем пунктам и сейчас, выходит, из чистой стервозности оттолкнула своего любовника окончательно. Еще ночью мне казалось, что я хочу порвать наши отношения, а сейчас сомневалась и ощущала опустошение и сожаление. Натянув термоскаф и маску, вошла в огромную морозильную камеру, чтобы проверить, как полагалось, сохранность образцов и всевозможных биокультур. Обойдя все стеллажи, сверила показания приборов и продиктовала их для внесения в лабораторный журнал. Захватив две герметичных емкости для нового обсеменения упорно дающих сбои по времени пищевых кластеров, отправилась на выход. Нажала на ручку, но дверь из толстого термоупорного стекла не открылась. Подергала сильнее, но не добилась никакого результата. Ввела еще раз код доступа, но замок оставался закрытым.

– Да что за... – просто в голове не укладывалось, что за одни сутки я дважды попадаю в подобную ситуацию. – Случайность, да, Рожер? Гребаный глюк и сбой системы?!

Последнее уже выкрикнула, настойчиво хлопая по запястью и уже будучи точно уверенной, что ответа не получу. Отстраненно подумалось, как буду смеяться в лицо и самому капитану, и долбаным остальным мужикам, что смотрели на меня тогда в отсеке как на неврастеничку. Проблема только в том, что у меня может не оказаться на это шанса. Если не выйду из этой гигантской морозилки в течение двух часов, то, скорее всего, позже уже получу переохлаждение, несовместимое с жизнью.

– Да что же я тебе сделала, кем бы ты ни был! – закричала в отчаянии и задергала ручку двери что было сил.

Глава 10

Личный коммуникатор молчал, попытки тыкать во все кнопки в надежде, что неверное введение кода приведет к оповещению кого-то вне лаборатории, были тщетными. Из-за нервозности я жутко вспотела под нижней скаф-пленкой, настолько, что ее впитывающая способность с этим не справлялась, и я тут же начала быстро мерзнуть. Хотя, по идее, ресурса термоскафа должно было хватить как минимум на час относительно комфортного пребывания в морозильной камере, и, скорее всего, это был нервный озноб. В попытке взять мысли и эмоции под контроль я присела на ближайший прозрачный ящик и некоторое время выравнивала дыхание, сильно напрягала, а потом расслабляла все мышцы, чтобы изгнать нереальное ощущение насквозь пробирающего холода. Почти успокоившись, стала тщательно все вокруг осматривать в поисках пути к спасению. Сидеть и ждать ее снаружи – не вариант. Пока хоть кто-то озадачится моим долгим отсутствием, я тут замерзну до состояния звенящей при ударе ледышки. Глаза наткнулись на голубоватый огонек под самым потолком и торчащий рядом с ним тонкий стеклянный стержень, и нечто похожее на надежду шевельнулось внутри. Это был детектор контроля температуры. Если я смогу до него добраться и согреть, то сигнал о неисправности оборудования немедленно будет передан технической службе. К тому же в самой лаборатории вроде как заорет сирена, предупреждающая о вероятном повреждении хранящихся образцов и материалов. Ну, конечно, при условии, что тот, кто запер меня тут, не подумал об этой возможности заранее и не вырубил и систему оповещения о неисправностях. Как бы там ни было, просто сидеть и замерзать, надеясь на чудо извне или его отсутствие, я не собиралась. Одна проблема – до потолка не менее трех метров, а лестницы или подъемной платформы тут не предусмотрено. Гигантское, надо сказать, упущение. Меня аж корбило от перспективы использовать ящики с замороженным биоматериалом и, может быть, повредить их, что ощущалось реальным кошунством и варварством, но какой выход? Самые большие весили, кажется, целую тонну, и я едва не надорвалась, перетаскивая их в центр камеры и взгромождая друг на друга. Зато потела я теперь совсем не от нервов, и стало прямо-таки жарко. Взявшись наверх, пыталась совсем не думать, как больно будет грохнуться, потеряв равновесие. Факт того, насколько быстро я начну замерзать, расстегнув термоскаф, после того как вот так упарилась и насквозь промокла, тоже старалась игнорировать.

– Зараза, как же холодно! – пробормотала, едва опустив застежку до талии и высвободив левую руку, чтобы сжать торчащую часть детектора. В конце концов, если я заработаю необратимое обморожение, пусть это не будет рабочая правая рука.

Вот теперь зубы стучали у меня по-настоящему, кожа покрылась гигантскими мурашками, а внутренности будто свернулись шокированно от потока холода, льющегося сквозь кожу, казалось, напрямую к ним. Ну еще бы, минус сорок никак комфортной температурой не назовешь, особенно если вынуждена неподвижно стоять под потолком, где и волю дрожи особенно-то не дашь, рискуя упасть. Высота небольшая, но, учитывая степень моей везучести в последнее время, могу и отключиться. А если это произойдет, то есть все шансы уже больше не проснуться. Время шло, я старалась держаться за стеклянный стержень плотно, но и осторожно одновременно, потому как не хватало его еще и сломать, однако чувствительность в руке быстро пропадала, да и левая грудь уже ощущалась сплошным куском льда. А чертова лампочка детектора все продолжала гореть равномерным голубым свечением. Матерясь на чем свет стоит, я поминала разработчиков и этой гребаной морозилки, и самой системы оповещения о сбоях. Принято считать, что она должна реагировать на изменение температуры даже на полградуса, но вот полюбуйтесь же! Неужели все же ублюдок, изводящий меня, просчитал мои действия наперед и пресек и эту возможность спасения? Паника стремительно раздувалась в груди как огромный жесткий шар, все сильнее мешающий дыханию и сердцебиению.

И чем больше пыталась себя убедить, что поддаться страху сейчас – неимоверно паршивая идея, которая приведет к самым печальным последствиям, тем красочней фантазия рисовала эти самые последствия в виде скрюченного на полу моего бездыханного одеревеневшего тела, и тем сильнее я боялась. Против страха у меня всегда было лишь одно лекарство – злость. И я себе позволила ее щедрую порцию, негодуя на сволочь, загнавшую меня в такую жуткую ситуацию, и которая наверняка уйдет от ответа, если я тут сдохну.

– Да хрен тебе! – не сдержавшись, закричала в пространство.

Буквально пылая от злости, сильно потерла ладонь и пальцы об грудь, разогревая ее насколько вообще возможно, и снова схватилась за стеклянную трубочку. И наконец лампочка моргнула раз, еще и еще и сменила цвет с голубого на желтый.

– Внимание, резкое повышение температуры в морозильной камере биологической лаборатории! – раздался мелодичный голос системы оповещения.

– Да-а-а! – вскрикнула я и чуть не грохнулась с ящика.

Цвет сменился на красный еще спустя тридцать секунд, и взвыла сирена, я, торжествуя, отпустила детектор, и стала натягивать термоскаф обратно, трясясь уже неконтролируемо. Левая кисть совершенно онемела, пальцы скрючились, усложняя и без того непростой процесс натягивания узкого рукава. Едва закончив, торопливо застегнулась и дала себе немного времени, чтобы совладать с жуткой дрожью, и одновременно через боль и сопротивление заставляла начать двигаться дико замерзшую руку, глядя со своего импровизированного насеста через стекло двери и ожидая, когда хоть кто-то появится. Торопливо стала спускаться, но ботинок соскользнул, и я, охнув, рухнула на задницу. Благо хоть не с самого верха.

Держась за пострадавшее место, поднялась и подошла к двери. Ввела код, еще и еще, дергала за ручку, нетерпеливо глядя на вход. Внезапно сирена заткнулась, лампа датчика опять засияла ровным голубым, а никто так и не появился. Внутри что-то будто оглушительно хрустнуло, ломаясь, и меня затрясло уже совсем не от холода. Предательские слезы потекли по щекам неконтролируемым потоком, и, заорав во все горло от отчаянья, я стала иступлено дергать ручку и колотить в стекло, причиняя себе еще больше боли. И именно в этот момент в лабораторию вбежали двое техников. Раздался щелчок, и так как я продолжала свои истеричные рывки, внезапно распахнувшаяся дверь врезала мне прямо по лицу. Не будь на мне дыхательной маски, точно расквасила бы нос или того похуже. Я практически вывалилась на руки опешившим парням, которые озирались, явно пытаясь понять, что послужило причиной для тревожного оповещения. И, естественно, видели они только рыдающую не пойми почему меня. И краем сознания я отдавала себе отчет, как вся ситуация должна выглядеть для них, но остановить накрывшую истерику не могла. Так капитан и застал меня – зареванную, нервно сдирающую с себя термоскаф под настороженными и сочувственными взглядами молчаливых техников. Но мне было плевать.

– София! Софи, ты в порядке? – влетев в лабораторию, Рожер подхватил меня как ребенка, и я раскисла еще больше. Вцепившись в него, взвыла в голос, при этом пытаясь сквозь спазмы в горле и всхлипы объяснить суть происходящего. Но все, что получалось, это сколько-то внятно выжать: «Я не сошла с ума! Пожалуйста, верь мне!» Учитывая состояние, в котором пребывала, понимала, насколько все неубедительно, и от этого становилось еще хуже.

– Она сама устроила сработку оповещения, – мрачно сообщил Тюссану один из техников.

– Потому что кто-то запер меня в проклятой морозилке! – выкрикнула, давась рыданиями.

– Когда мы появились, она просто открыла дверь и вышла, – не глядя на меня, сказал парень, а второй только кивнул подтверждающе.

– Я не вру! – рванулась из объятий Рожера, сжав кулаки, и желая врезать хоть по одной роже, на которой был прямым текстом написан поставленный мне диагноз. – И не чокнулась!

– Тише, тише, София! Все хорошо! – удержал меня от членовредительства капитан. – Никто тебя не обвиняет во лжи и не считает ненормальной.

– Мы еще не успели закончить с системой обеспечения в ее отсеке, а теперь еще и это, – тихо пробурчал техник, опровергая успокоительные слова капитана. – Если так и дальше пойдет, мы с ног собьемся, реагируя на бредни...

– Делом займитесь! – с неожиданной яростью рявкнул капитан. – Если София говорит, что не могла выйти, значит, была причина! Выполнять приказ!

Устроив меня у себя на руках поудобнее, он понес меня из лаборатории, пока я причитала и твердила, что мне никто не верит.

– Я тебе верю, милая, – поцеловал меня в висок Рожер. – Все будет хорошо, и я не дам ничему с тобой случиться. Ты отдохнешь, успокоишься, и мы вместе решим, что делать. Тш-ш-ш! Я верю-у-у!

И снова что-то упрямое и причиняющее сейчас боль в глубине сознания твердило: «Берегись!» Но в этот раз я яростно послала его ко всем чертям и вцепилась в моего капитана покрепче. Потому что на всем долбаном «Ковчеге» он мне представлялся в тот момент единственным способным, а главное желающим поверить и помочь существом. Никогда я прежде не чувствовала себя такой слабой и незащищенной, и это буквально убивало морально. Нуждаться в ком-то как в опоре и защите ощущалось ужасно для меня, но при этом и совершенно неизбежно. Рожер мне сейчас был жизненно необходим, потому что в одиночку имею все шансы не уцелеть в этом путешествии, отправиться в которое была так счастлива еще не так давно. Теперь же от прежней радости не осталось и следа, ибо насколько огромным ни был бы «Ковчег», он все равно оставался громадной металлической коробкой-ловушкой, откуда пока нет выхода.

Очень отстраненно сознание зарегистрировало появление дока Пирса и введенное им успокоительное. Пыталась вяло протестовать – не хотела терять концентрацию до того момента, как смогу внятно обсудить с капитаном новое происшествие, но слушать меня не стали. Тюссан куда-то понес меня, пока я все старалась объяснить, но язык стал стремительно неметь и заплетаться, накрыла апатия, и необходимость говорить отошла куда-то на второй план. Последнее, что я помнила – как провожала затуманивающимся взглядом мелькающие потолочные мягко мерцающие светильники коридора.

Проснулась я в незнакомой обстановке. Постель огромная, намного шире привычной даже в максимальном размере. Явно личная каюта, но больше моей и в других цветах. Серо-стальной, матово-серебристый. Наводило на мысли о том, что живет тут мужчина. Услышав негромкое бормотание, повернулась на бок. Одну из стен целиком занимал огромный экран, разбитый на множество сегментов, каждый со своим изображением. Перед экраном, в низком кресле, неподвижно сидел Рожер и периодически что-то тихо произносил, после чего один из фрагментов увеличивался, выдвигался вперед, обретая объем и четкость. Капитан смотрел на живую картинку, менял ракурсы, максимально приближал детали, потом снова отдавал команду, и изображение заменялось на другое.

– Ищешь подтверждение того, что я чокнутая, или опровержение? – сипло пробормотала, сползая к краю огромной постели.

– Странно, что у тебя вообще возникает этот вопрос, София, – ответил капитан, не отрываясь от своего занятия. – Почему тебе вообще в голову пришло, что я могу сомневаться в твоей адекватности?

– Потому что все смотрят на меня... – сдержав желание грязно выругаться, я босыми ногами прошлепала в очистительную зону. – Почему я в твоём отсеке? Это ведь твой?

Все время мы встречались на моей территории, и бывать в личном пространстве моего любовника не приходилось. Да я как-то и не стремилась. Наверное, это что-то говорит обо мне и отношении ко всему, что между нами, в целом, но я предпочитала не углубляться.

– Мой. И здесь ты потому, что я думаю, так будет лучше сейчас.

– Потому что здесь никто не отважится напасть на меня? А работать я теперь под конвоем буду? – вышло слишком уж раздраженно, и я опять устыдилась. Вместо благодарности я зачем-то срываюсь на него. Зажмурив глаза, старалась взять свои противоречивые эмоции под контроль, пока по телу били упругие капельные потоки.

– Безопасность – только одна из причин, София, – Тюссан оторвался наконец от просмотра и развернул прозрачное, зависшее над полом кресло ко мне, как только вышла из душа. Зрачки в золотистых глазах сначала расширились, а потом резко сузились, заставляя ощутить себя словно под прицелом. Почему его вожеление всегда казалось мне чем-то с оттенком угрозы или, скорее уж, агрессивного поглощения? – Предполагаю, что причина этой загадочной агрессии к тебе именно в моем к тебе отношении.

– Первое нападение произошло до того, как мы сблизились, – напомнила я, отмахиваясь от неуместных мыслей уже в который раз.

– Но это не значит, что для окружающих была неочевидна моя в тебе сильная заинтересованность, – отбил он и протянул руку, явно предлагая мне оседлать его колени. – И, исходя из этой версии, думаю, твой переезд ко мне будет как раз тем фактором, что выведет из себя того, кто тебя преследует.

– Значит ли это, что другим способом выследить этого... человека так и не представляется возможным? – Я послушно расположилась на нем, так даже удобнее смотреть прямо в глаза. – Неужели нельзя отследить того, кто взлезает раз за разом в систему? Я не великий специалист в кибернетике, но насколько знаю, у каждого отдающего команды на корабле должна быть уникальная электронная подпись или вроде того?

– И они есть, София. Каждый раз иная, принадлежащая кому-то из командного состава экипажа. Если тебе интересно, кто запер тебя в той же морозилке, то, согласно отпечатку в системе, это был я. Нападение «Сталкера» инициировал мой помощник по безопасности, а в закрытой в каюте ты оказалась благодаря старшему узла внешней связи. Ладно, меня по какой-либо немыслимой причине ты можешь подозревать, а остальных? У них разве есть повод питать к тебе неприязнь или вообще желать убить? – Я была вынуждена покачать головой. Я едва знаю упомянутых людей и даже лиц бы в точности не вспомнила. Какие у них могут быть ко мне счеты, к тому же сразу у обоих? – Вот и я о том же. И, само собой, в сбои общей системы Ковчег, клином сошедшиеся именно на тебе, я не верю.

Я заерзала и покосилась на мелькающие картинки на большом экране.

– Видеонаблюдение, так понимаю, ничего не дало?

– Сама прикинь, – вздохнул Рожер. – В отсеке хранения не было, кроме тебя, никого. В личных отсеках запись может вестись только при непосредственной команде их обитателей. Ты ее не отдавала. В отличие от связиста, который проводил ту ночь весьма насыщенно, и его партнерша была совсем не против фиксации их веселья. Поэтому на момент, когда он якобы запирает тебя и запугивал, у него есть алиби, причем, можно сказать, дважды подтвержденное. А на записи в морозилке... Там лишь видно, что ты внезапно начинаешь вести себя странно, дергаешь дверь, потом добиваешься сработки оповещения, но стоит только появиться помощи, просто берешь и выходишь наружу.

Я даже глаза прикрыла, сдерживая досадливый стон. Представлять, какой неадекватной я теперь кажусь всем, кто со мной взаимодействовал в последнее время, было прямо тошно. И что хуже всего, случись самой столкнуться с таким же поведением, однозначно бы решила, что человек нуждается в срочном врачебном вмешательстве.

– У меня, похоже, проблемы? – спросила Рожера, глядя на экран, на котором отражалось множество моментов обыденной жизни корабля. Жизни, в которой я имею все шансы перестать участвовать усилиями кого-то неизвестного.

– Нет у тебя пока никаких неприятностей, София, – Тюссан расположил обе свои большие ладони на моей спине, прижимая ближе. – По крайней мере, не те, о каких сейчас подумала.

– Кто-то с подобным поведением обязательно должен привлечь пристальное внимание медиков и безопасников.

– Я капитан «Ковчега», детка. А ты девушка капитана, – хмыкнул он, целуя уголок моего рта. – Тем более теперь не просто девушка, с которой я открыто поддерживаю близкие отношения, а та, что живет со мной, что говорит окружающим о серьезности намерений. Так что весь контроль над тобой, как и вся ответственность, теперь на мне – и ты в порядке.

– Что же... очевидно, быть твоей подругой имеет свои неоспоримые плюсы. – Понимание того, что угроза признания эмоционально неустойчивой не висит надо мной, заметно улучшило настроение. – И, как ни стыдно признаться, я готова в этой ситуации этими плюсами пользоваться и принять твое гостеприимство, пока все не разрешится.

Зрачки Рожера снова сузились, а в голове что-то тревожно тренькнуло.

– Ну и прекрасно, Софи! А то я опасался, что нам опять придется спорить или что даже нужно будет прибегнуть к варианту с капитанским диктатом. – Он кратко захватил мои губы своими, и я сразу ощутила отклик его тела внизу, подо мной.

– Не вижу причин спорить, уж не тогда, когда кто-то готов помогать, Рожер, – сказала абсолютно искренне. – Я действительно совсем не понимаю, как быть в сложившейся ситуации, и поэтому готова целиком и полностью положиться на тебя. Вручаю тебе себя и свою судьбу – давай, защищай и берегай!

Последнее было, конечно, шуткой, но рассмеяться у меня не было возможности, потому что нежное объятие стало вдруг почти стальным захватом. Рожер, стиснув меня, стремительно поднялся, в пару шагов достиг постели и почти рухнул на нее, распластывая меня как беспомощную бабочку под собой.

– Сама попросила! – тяжело дыша, выдавил он у моего горла, одновременно вторгаясь. От излишней стремительности, напора и почти полного отсутствия хоть какой-то прелюдии мне стало немного больно, и я зашипела, вгоняя ногти в его затылок. – Прости-прости-прости!

Капитан замер и принялся целовать и оглаживать все части моего тела, доступные его рукам, оставаясь совершенно недвижимым внизу. Продолжалось это до тех пор, пока я сама уже не стала пытаться толкнуться ему навстречу, потому как Тюссана, видимо, вполне удовлетворил сам факт пребывания внутри моего тела, и дальше двигаться он не собирался. Когда же я все же «растолкала» его, секс вышел каким-то иным, нежели обычно. Обычно агрессивный и будто стремящийся к захвату и порабощению всех моих ощущений, в этот раз Рожер был медлительным, растягивал движения, будто старался уловить самое малейшее из них. Если раньше он меня истощал жесткими марафонами, требующими в первую очередь массу физических сил, то сегодня вынуждал хранить почти полную неподвижность, пока удерживал на краю так долго, что, когда оргазм наконец наступил, я почувствовала себя абсолютно безвольной.

– Вот так, звезда моя, – прошептал он с особым торжеством, холодея мой потный лоб своим резким дыханием, – теперь все как и должно быть.

Утром я обнаружила, что все мои личные вещи уже перекочевали в каюту капитана и даже заняли положенные места в настенных боксах для хранения. Причем расположил их капитан примерно в том же порядке, что они находились и у меня. В общем, вспыхнувшее на мгновение глухое раздражение от необходимости резко и вынужденно сменить привычное пространство на иное мгновенно затухло. Тем более я никогда не была тяжела на подъем, привыкла к этому еще в экспедициях с родителями. К тому же все это временно, и когда мы разберемся с моим преследователем, то все вернется в прежнее русло. В общих кают-компаниях и на трапезах мы снова появлялись только вместе с Рожером, и он нарочно постоянно подчеркивал наши отношения публичными прикосновениями. Не наглыми или вульгарными, но четко даю-

щими понять всем имеющим глаза – уровень близости между нами заметно возрос. Хотя на деле ему частенько приходилось прижиматься ко мне, чтобы напомнить, что надо прекратить шарить по всем вокруг пристальным расчленяющим взглядом, стараясь вот так определить, кто же та сволочь, что привела меня на грань нервного срыва. Я понимала, что он прав и глупо пытаться рассмотреть дурные намерения на чьем-то лице, но все равно невольно впивалась глазами в каждого посмотревшего на нас подольше, надеясь прочитать, кто и за что. Но чаще всего видела в выражении лиц другое. Люди смотрели на меня со смесью досады и жалости, а на капитана – откровенно сочувствующе. И пусть я знала, что они не правы, но все равно понимание, что большая часть моей смены экипажа считает меня, мягко скажем, немного не в себе, угнетало. Время шло, нападения не повторялись, а за мной везде и всюду ходил если не сам Рожер, то обязательно кто-то из техников или безопасников. Очевидно, что с каждым днем для всех я все больше выглядела как капризная пассия капитана, которая своими истериками вынудила оказывать себе едва ли не особые почести в виде почетного караула. Сама бы так подумала о любой неврастеничке, если бы наблюдала всю ситуацию со стороны. Но какие у меня варианты? Лучше быть стервозной липучей живой подружкой капитана, нежели гордой самостоятельной и мертвой.

Прошло две недели, абсолютно ничего не происходило, и я стала совсем успокаиваться и даже привыкать обитать в одном пространстве с капитаном. Открывать сквозь сон глаза и рассеяно наблюдать, как он то отслеживает какие-то процессы на своем здоровенном экране, то негромко переговаривается с кем-то и проверяет длинные вереницы данных, то снова и снова просматривает записи из всех помещений корабля в моменты нападения на меня, надеясь заметить хоть что-то, что упустил до этого. И я ему была искренне благодарна за это упорство.

Мой преследователь сделал свой ход тогда, когда я уже в большой степени утратила бдительность. Я только закончила обычную смену и почти волоча ноги шла обратно. В качестве моего сопровождающего сегодня был Марис Верде, безопасник. Я подозревала, что и сама его раздражаю, и необходимость пасти меня, таскаясь по всему Ковчегу, но был он всегда безукоризненно вежлив. Распрощались мы прямо у дверей капитанской каюты, и я отчетливо услышала его облегченный вздох, когда за мной закрывалась пневматическая дверь. Как будто я сама не выдыхала с таким же чувством, когда избавлялась от этого конвоя. Рожер поднялся мне навстречу и коротко поцеловал в лоб.

– Софи, у меня сеанс экстренной закрытой связи с Землей, – сказал он, погладив мою спину и отстранившись.

– Что-то случилось? – встревожилась я. Экстренная связь не есть хорошо.

– Еще не знаю. Но расскажу, как вернусь, – капитан посмотрел в сторону. Конечно скажет, но если только информация будет разрешенной для простых смертных, а не секретного характера. – Вернусь – и пойдем ужинать. Хорошо?

– Хорошо, – ответила я уже закрывшейся за ним двери. Быть вместе живущей парой так... черт знает, обыденно, что ли. Но, а с другой стороны, мне разве когда-то нужны были страсти и потрясения? Этого у меня и вне отношений пока в достатке.

Не прошло и пары минут, я только собралась раздеться и забраться в душ, как раздался сигнал от двери.

– Покажи! – с недовольным вдохом приказала я.

Снаружи стоял один из физиков, Демьен вроде бы. Фамилии навскидку не вспомню. Чернокожий парень, Естественный, невысокий, коренастый и немного невзрачный, я бы сказала. «Зажралась ты, дорогуша, общаясь почти только с Модификатами», – упрекнуло меня подсознание.

– Капитана сейчас нет! – сказала в переговорник.

– О, я знаю, София. Я его только что встретил, и он сказал, что ты уже вернулась со смены и я могу поговорить с тобой, – затоптался он неловко перед дверью.

Я снова обреченно вздохнула. Если честно, устала я за эти двенадцать часов адски.

– Прости, я не стал бы беспокоить, понимаю, ты и так смену отпахала, вечер же, – зачистил парень, которому, конечно, прекрасно было слышно мое недовольное сопение. – Но у нас на потолке одной из камер расщепления появилось какое-то странное пятно, и мне кажется, оно растет и быстро.

Моментально всю усталость как рукой сняло, под мощным напором включившейся на полную катушку профессиональной тревоги.

– Открой! – не мешкая ни секунды, приказала я и оказалась с Демьеном лицом к лицу. – Какого оно цвета?

Глава 11

Очевидно, парень не ожидал от меня такой прыти и поэтому на пару секунд завис, моргая.

– Се... серебристое, – не слишком уверенно пробормотал он, и эта странная заминка сработала как тревожное оповещение в моем сознании. Может, конечно, у меня уже паранойя окончательная, но рисковать тогда, когда можно этого избежать, я не собиралась.

– погоди секунду, я должна вызвать кого-нибудь для сопровождения, – попятившись, сказала я, собираясь воспользоваться коммуникатором под кожей, но вроде внешне неуклюжий и растерянный прежде парень внезапно метнулся ко мне и с неожиданной силой сжал запястье.

– Значит, это правда! – прошипел он и опасно стал озиаться. – Глупый Арни мне не верил! А я говорил ему, что ты с капитаном не просто так! Надеешься, что избежешь судьбы остальных Естественных, трахаясь с Тюссаном? Дура!

Простоватое и добродушное лицо парня исказилось самой настоящей ненавистью, и он сжал мою руку так, что показалось, сейчас треснет кость. Наверное, прежде, случись со мной такое, я опешила бы, теряясь, но не сейчас. Слишком долго мои нервы были как взведенная в ожидании пружина.

– Да что ты себе позволяешь! – закричала я и с размаху саданула его ботинком по голени. – Отпусти!

Демьен вскрикнул и перенес вес на одну ногу, а я дернула свою конечность из его захвата что было сил. Потеряв равновесие, он повалился прямо на меня. Удар об пол с дополнительной тяжестью был более чем неприятным, и у меня клацнули зубы и загудело в голове.

– Отвали! – Я брыкалась и выворачивалась, но Демьен, мгновенно оправившись от замешательства, вызванного моим сопротивлением, навалился и прижимал к полу всем весом. – Ты с ума сошел?

– Это ты ненормальная, если веришь ему! – орал он мне прямо в лицо, оглушая и выглядя уже совершенно свихнувшимся. – Он тебя просто использует! Лучше я тебя собственноручно придушу, чем ты поможешь из всех нас безмозглых марионеток сделать!

И его руки действительно сжались на моем горле, хотя я и без этого едва могла дышать от его веса. Я вцепилась ему в лицо ногтями, Демьен взвыл, но не отпустил. Выворачивалась так, что чуть мышцы не рвались, полосую его физиономию с зажмуренными глазами снова и снова, но в глазах стремительно стало темнеть, а легкие горели огнем.

– Роже-е-ер! – закричала отчаянно, трата последний воздух.

– Тварь! Предательница! – зарычал Демьен, сжимая пальцы сильнее.

Ну вот и все, похоже. Сознание ускользало, руки и ноги становились бесполезными плетью, свет пропал. До сознания едва дошло, что это булькающее хрипение издаю я, и вдруг воздух вернулся так резко, что разом наполнившиеся легкие обожгли острой болью, будто разрываясь.

Сквозь замутненное слезами зрение увидела мечущиеся тени, что-то сначала глухо ударилось, потом рядом закричали, и я, собрав все силы, перевернулась, поднимаясь на четвереньки. А потом взлетела в воздух, поднятая чьими-то сильными руками, и сипло заорала и забрыкалась снова.

– Тихо, София, это я, Рожер! – торопливо произнес Тюссан у моего уха, обездвигивая в объятиях. – Тише, звезда моя, тише! Мы его поймали, все хорошо теперь!

– Идиотка, что же ты творишь! – надрывался Демьен, которого прижимал к полу Марис Верде. – Своих предаешь, дрянь, пока он за твоей спиной кувыркается с другими! Надо было тебя раньше прикончить!

– Убери его отсюда! – рявкнул капитан безопаснику, аккуратно массируя мою шею. – Пусть док вырубит его. Проспится – допросим.

Пока Марис уволакивал Демьена, тот продолжал кричать и обвинять меня во всевозможных грехах, оскорблять, вопя, что я тупая похотливая дрянь, предавшая каких-то «своих» ради члена.

– О чем он говорит? – прохрипела, как только его перестало быть слышно, а мое дыхание чуть нормализовалось.

– София, у него явно психоз, заикленный на тебе, так что пусть в его бреде разбирается док Питерс, а не мы, – Рожер отдал приказ закрыть и запереть дверь и избавил меня от скаф-пленки, ставя на порог капельной душевой. – Ты сможешь сама стоять? Может, врач сначала нужен тебе?

– Нет, я в порядке, кажется, – покачала я головой и тут же поморщилась от жжения в горле. – Я пить хочу.

Тюссан напоил меня, сочувственно глядя на то, как я морщусь при каждом глотке, и все же остался стоять перед входом в очистительную зону, явно готовый подхватить в случае чего.

От прохладных капельных потоков мне сразу полегчало, дикое напряжение из мышц ушло, но зато начало трясти. Мысли были вполне адекватными, и признаков возможной истерики я в себе не ощущала, но дрожала, будто у меня лихорадка. Тело реагировало на пережитый стресс, а вот сознание запаздывало, спрятавшись пока за каким-то онемением. Тюссан уложил меня в кровать и укутал термоодеялом, вытягиваясь рядом и обнимая.

– Рожер, он говорил что-то про Арни, – произнесла я сквозь стук собственных зубов.

– София, разве я тебе должен объяснять, что психоз – вещь заразная. Штерн, конечно, твой друг, но он, сорвавшись, создал прецедент для других, чья психика за время полета стала неустойчивой.

Говорил капитан отрывисто, и эта тема явно ему не нравилась.

– Других? – приподнялась я на локте, заглядывая ему в лицо.

– София, сегодня тебе лучше отдохнуть, а об остальном мы поговорим на свежую голову, – Рожер надавил мне на плечи, вынуждая снова лечь.

– Ты же не думаешь, что я смогу теперь уснуть! – возмутилась, стараясь поймать его взгляд, но капитан упорно смотрел в стену. – Ты не можешь упомянуть подобное, а потом предложить мне оставаться спокойной и вздремнуть. Значит ли это «других», что Арни и Демьен не единственные, кто начал вести себя неадекватно? Потому что он упоминал каких-то «своих». Что это значит?

– София! – строго сказал Рожер и поднялся, но я не собиралась уступать и тоже села, готовая продолжать настаивать.

Капитан посмотрел наконец мне в глаза, видно было, что он колеблется, вздохнул и снова сел рядом.

– Это уже десятый случай нервного срыва в обеих сменах. Еще двадцать три человека находятся под пристальным наблюдением, так как начинают проявлять тревожащие признаки. У всех навязчивые состояния, мания преследования, и в конечном итоге это заканчивается открытой агрессией по отношению к кому-нибудь.

У меня в прямом смысле рот открылся. Просто слов не могла найти, чтобы дать оценку услышанному.

– И ты молчал? Не говорил мне? – Я отдавала себе отчет, что на обиду права не имела, но, в конце концов...

– София, принято было решение о неразглашении и как можно более безболезненном и скрытом изъятии сорвавшихся.

Да, он мой любовник, но еще и капитан. Ничего говорить он был не обязан, если считал, что от этого только хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.